

*Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал — и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»*

Федор Тютчев

МЫСЛИ ПОСЛЕ КИНО

РУССКИЙ СТЫД

Приснилось, будто меня приговорили к смертной казни.

За что, не знаю, но уже и приговор огласили, и не то чтобы я согласен с этим решением, но на всякий случай начинаю выяснять подробности предстоящей казни.

Тем более что хотя и приговорен я, но остаюсь на свободе и отношения с людьми, приговорившими меня к смерти, не то чтобы дружеские, но и не враждебные.

— Так как меня будут казнить? — спрашиваю.

— Мечом... — вежливо объясняют мне. — Вам мечом голову отрубят.

— Вот как! А это больно?

— Ну что вы! Даже не беспокойтесь! Всё мгновенно произойдёт. Вы и не почувствуете ничего...

— Спасибо... — говорю я. — Тогда я пойду?

— Да, да! — говорит судья. — Идите... Отдыхайте! Только, пожалуйста, в воскресенье не опаздывайте на казнь! Не подведите нас. Вовремя приходите...

Записав в блокнот, во сколько и куда я должен прийти в день казни, я ухожу, но чем ближе день казни, тем сильнее нервничаю, и в результате — такой вот позор! — накануне казни сбегаю.

Просыпаюсь от невыносимого стыда...

Как я мог обмануть людей, поверивших мне, как я мог подвести их?!

Только когда вспомнил, куда я не пошел, успокоился немного...

Но все равно ощущение, что подвел этих людей, осталось.

3 июня 1989 года, Ленинград

КАЖДОМУ СВОЕ

3 июня в Иране умер Рохулла Мусави Хомейни — аятолла Хомейни, возглавивший в 1979 году революцию, приведшую к установлению в Иране исламской республики.

В Китае разогнали — 2000 человек погибли! — демонстрацию на пекинской площади Тяньаньмынь.

У нас 3 июня в сопровождении митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия перенесли мощи святого князя Александра Невского из Казанского собора в Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры.

Николай КОНЯЕВ

г. Санкт-Петербург

Застигнутые НОЧЬЮ

**ДНЕВНИК
ЧЕЛОВЕКА
ВРЕМЕН
ПЕРЕСТРОЙКИ**

Если бы каждый наш день выделялся так...

Увы... Уже на следующий день на перегоне Челябинск — Уфа в результате утечки газа из продуктопровода произошел взрыв, вызвавший тяжелую железнодорожную катастрофу. Погибли 575 человек.

В СССР объявлен траур.

А в Польше на парламентских выборах победу с подавляющим перевесом одержали представители профсоюза «Солидарность».

А в Ферганской долине узбеки избивают турок-месхетинцев. Сожжено более 400 домов, убито более ста человек.

Самое грустное, что из писателей никто и не говорит об этом.

Зато у нас в Союзе писателей — жеребьевка дачных участков в кооперативе на Горьковской.

Вот где настоящие литературные страсти, вот где раскрываются во всем своем разящем блеске писательские дарования.

5 июня 1989 года, Ленинград

РАСПАСЫ

6 июня, не выдержав разнузданной кампании русофобии, развернувшейся по всей стране, В.Г.Распутин — это показывали по телевизору — сказал на Съезде народных депутатов СССР: «Может быть, России выйти из состава Союза, если во всех бедах вы обвиняете ее и если ее слабозрительность и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления?»

На следующий день, словно выступление В.Г.Распутина и стало сигналом, депутаты «демократического направления» объявили о создании Межрегиональной депутатской группы.

А еще через день Николая Ивановича Рыжкова утвердили председателем Совета министров СССР.

На этом и закрылся I съезд народных депутатов СССР.

Все сделали. Пригрозили... Создали... Утвердили...

Как хорошие преферансисты, распасы сыграли.

Ни одной ошибки, и в результате — никаких шансов у игрока...

9 июня 1989 года, Ленинград

ВОЛОГОДСКАЯ ОЧЕРЕДЬ

Ее не спутаешь ни с адлеровским рейсом, который регистрируют рядом, ни с московским, ни с красноярским, ни с мурманским.

В очереди на Адлер народ курортный, богатый, настроившийся на отдых...

В очереди регистрации на Москву народу немного, но все деловые, чиновные, с хорошо откормленными и ухоженными лицами.

На красноярский рейс стоят крепкие, знающие себе цену сибиряки. Порою они остро оглядываются вокруг, пристально смотрят на кого-нибудь, как бы самоутверждаясь в этом сравнении.

В мурманской очереди много военных моряков и их молодых красивых жен.

А здесь, на Вологду, народ попроще, победнее, поизможденнее. Многие стоят с приоткрытыми ртами, лица бледные, одежды небогатые. Вот вроде бы и симпатичная женщина, но явный перебор с воланчиками и рюшечками — даже в волосах у нее какие-то пластмассовые бантики...

А главное, стесняясь стоят...

Словно они перед этими адлеровскими, московскими, красноярскими, мурманскими виноваты в чем...

19 июня 1989 года, Ленинград

РУБЦОВСКИЙ НАПИТОК

Весь день провел с Вячеславом Белковым. Ездил с ним и его приятелями, вологодскими поэтами, в Прилуцкий монастырь.

Купались в Вологде.

Вячеслав Белков — рубцевед, и он настоял, что в поездке по рубцовским местам мы пили только рубцовские напитки.

И весь день пили мы портвейн «777», «Агдам» и достигли результата.

Помню сгущающуюся в сознании темноту и чтение стихов...

Проснулся уже утром, в своём номере в гостинице.

Только умылся, появился Вячеслав. Собрались и, как и договаривались, поехали на могилу Николая Рубцова. Там снова выпивали. Только теперь уже коньяк.

Подошел к нашей компании один из вчерашних поэтов.

Выпил коньяка, покачал головой, поморщился. — Что? — спросил я. — Не рубцовский напиток.

— Нет... — с прокурорской твердостью сказал поэт. — Не рубцовский.

Вячеслав виновато промолчал.

20 июня 1989 года, Вологда

СКРЫТОЕ

Работаю в Государственном архиве Вологодской области, в фонде Николая Рубцова. Поразительные открытия делаешь тут, перелистывая документы великого русского поэта.

Еще поразительнее, что уже девятнадцать лет миновало после его кончины, а настоящую биографию Николая Рубцова можно узнать, только попав в архив.

22 июня 1989 года, Вологда

ВЛОЖЕНИЕ

Всё лето ничего не пишу, хотя работаю довольно много.

Занимаюсь архивом, старыми записными книжками, брошенными книгами-папками. Пытаюсь собрать себя. И как-то так увяз в этом, что уже и остановиться нельзя. Надо довести это дело до конца, надо собрать себя, привести в порядок, понять...

Когда думаешь так, отступает ощущение тревоги. Не надо спешить и торопить себя.

Сегодня приснилось, что я разговариваю с кем-то, говорю, что надо бы вложить куда-то стремительно дешевающую кучку денег, которую удалось скопить, а я не знаю куда.

— Так ты в свои мысли и вложи их...

— Как это?! — переспросил я.

— А так... Обдумай всё не спеша, додумай до конца. Ничего выгоднее всё равно не сделаешь...

Такой вот разговор во сне...

5 июля 1989 года, Ленинград

ТЕСНОЕ И ДУШНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВИДЕОСАЛОНА

Первый раз ходили в видеосалон.

Уговорил пойти посмотреть эту новинку культурной жизни Борис Морозов. Он сказал, что у них в обкоме все уже были в видеосалонах и очень довольны.

Я пошел вместе с Мариной и ничего, кроме раздражения, не почувствовал.

Неловко было — показывали какую-то грязную порнуху! — сидеть с женой в этом тесном и

душном помещении, и уйти из-за тесноты тоже невозможно было...

Когда попенял Морозову после этого культурного мероприятия, он возмутился.

— А по телевизору что показывают?!

Тут мне возразить нечего, поскольку по телевизору показывают встречу председателя правительства СССР Николая Ивановича Рыжкова с представителями забастовочных комитетов Донбасса, которые, как полагает М.С. Горбачев, требуют углубления процесса перестройки...

В Тбилиси демонстранты требуют покончить с имперской политикой Москвы...

Смотришь на это, и неловко становится, как в тесном и душном помещении видеосалона.

28 июля 1989 года, Ленинград

САМУРАЙ-АЛКОГОЛИК

Приехали в Вознесенье, а тут сплошняком какие-то перекосившиеся на японский лад шекспировские сюжеты.

Лет восемь назад в Чашеручье мужик убил за измену жену, отсидел и недавно вернулся в поселок. Дочка его за эти годы выросла, вышла замуж...

Но отца хорошо встретила. Истопила баньку, накрыла стол, выставила выпивку.

Выпили... И всё бы хорошо, но по пьянке мужичку показалось, что это не дочь его за столом сидит с зятем, а жена со своим любовником...

Схватил нож со стола и ударил дочь.

А потом опомнился и с горя зарезал сам себя на берегу реки.

Этакий самурай-алкоголик из Чашеручья...

7 августа 1989 года, Вознесенье

ПАРТИЙЦЫ

В Вознесенье тоже сейчас многие выходят из КПСС.

Вышел Сергей Самылкин, который всего два года назад в партию вступил.

— Я как настоящий партиец, — объяснил он. — Как все...

— Почему все? — возразил я. — Виктор Мочалов уже двадцать лет в партии, а не выходит.

— Так это же Мочалов... — снисходительно усмехнулся Сергей.

Что верно, то верно.

Над Виктором — не очень это серьезный по

вознесенским понятиям человек! — многие посмеиваются.

И, конечно, партия Виктору не нужна точно так же, как и другим, ничего от нее не получил за двадцать лет — как работал диспетчером на пристани, так и работает, но сейчас упёрся, не желая выходить из КПСС.

— А почему, — говорит он, — я сейчас должен выходить из партии?

И как-то по-другому начинаешь смотреть на него.

Никакого резона нет в этом рассуждении Виктора, но благородство всё-таки на его стороне.

Даже что-то такое белогвардейское в нем обозначилось.

8 августа 1989 года, Вознесенье

ИНЖИРНЫЙ ПУТЬ

Приехали в Пицунду.

Волнения в Абхазии если и остались, то только на рынке. И в основном — у приезжих.

Мысли после пицундского рынка тоже рыночные.

Авиабилет из Ленинграда до Сочи стоил 42 рубля 50 копеек. Такси в Пулковко обошлось в 5 рублей. Автобус из Адлера в Пицунду — 3 рубля 70 копеек.

А килограмм инжира на рынке в Пицунде стоит 5 рублей.

Ровно за десять килограммов инжира можно со всеми удобствами прямо от нашего дома до Дома творчества в Пицунде добраться.

Такой вот инжирный путь.

По радио с восторгом говорят о живой цепи, в которую выстроились литовцы, латыши и эстонцы от башни Длинный Герман в Таллине до башни Гедиминас в Вильнюсе, протестуя против советско-германского — сегодня его годовщина! — пакта 1939 года.

Длина цепи 560 километров, и называется всё это «Балтийский путь»...

23 августа 1989 года, Пицунда

СОРОКАЛЕНИЕ

Вечером сказали, что звонили из Ленинграда: что-то случилось дома.

— Что?!

— Неизвестно... Просто передали из вашего Литфонда, чтобы вы позвонили домой...

В Пицунде комендантский час. Вечером автобусы не ходят. Пришлось ждать до 8 утра, и за ночь о многом было передумано, тем более что на следующий день мне исполнялось сорок лет.

Утром Марина поехала в Пицунду.

Дозвонилась.

Ее брат Андрей сказал, что вчера нашу квартиру обнесли...

— А я думала, с мамой что ... — сказала Марина. — Слава Богу!

— Ты не поняла! — сказал Андрей. — Вашу квартиру обокрали.

— Ну и что... — сказала Марина.

— Рехнулась... — вздохнул Андрей. — Вернетесь-то когда?

— Через двадцать дней, как и собирались...

— Точно, с ума сошла...

— А зачем торопиться? — спросила Марина. — Ведь всё равно уже обокрали.

На это Андрей не нашел чего ответить.

25 августа 1989 года, Пицунда

РОМАН

Кажется, пошла работа над романом о киностудии.

Странный это роман... Пробовал его писать в Переделкино, но попал в больницу.

Начал заниматься романом в Исlochи — попал на операцию.

Сейчас с этой кражей — тоже могла бы сорваться работа, но Марина правильно решила, что незачем возвращаться раньше срока, коли кража уже состоялась.

И вот то ли потому, что от груза вещей освобожден, то ли потому, что на пятый десяток перевалил, но пишу взахлёб...

Вообще-то, эта вещь, конечно, новая для меня. Каждый герой в этом романе понимает то, что он хочет понимать, каждый герой сам выбирает себе свой сюжет.

8 сентября 1989 года, Пицунда

ВИНА И БЕДА РОССИИ

Читаю журналы и поражаюсь абсурдности происходящего. Ответственность за преступления Ленина и Сталина сейчас открыто начинают валить на... русских!

Вина русских, конечно, есть.

И прежде всего в том, что русские терпели и

продолжают терпеть над собою засилье нерусской власти...

Но это и вина, и беда России.

Со стародавних времен культивируется у нас стремление приглашать на службу и всячески привечать иноплеменников в ущерб собственным согражданам.

Да, некоторые из пришельцев становились гордостью России, но не счесть тех, кто стал ее позором, ее наказанием! И, конечно же, это воспитанная терпимость к управляющим-иноплеменникам и сыграла определяющую роль в катастрофе 17-го года...

Об этой вине и беде русских и надобно бы порассуждать, не забывая при этом и о реальной вине представителей других наций за преступления Ленина и Сталина перед Россией.

11 сентября 1989 года, Пицунда

ВСТРЕЧА С ДУДИНЦЕВЫМ

Здесь, в Пицунде, Владимир Дмитриевич Дудинцев.

Он всё время так плотно окружен критиками и критикессами, что я не подхожу к нему, но сегодня встретились в лифте, и не подойти не удалось.

— Как у вас в «Неве» дела? — спросил Владимир Дмитриевич.

— Нормально, — сказал я. — Только я уже на вольные хлеба ушел...

— Да?! — удивился Дудинцев. — И что вы сейчас делаете?

— Книжки пишу, — как обычно в таких случаях, ответил я.

— Книжки? — переспросил Владимир Дмитриевич и как-то так посмотрел, что я почувствовал, как стремительно уменьшаюсь в его глазах и исчезаю.

Вечером смотрел по телевизору репортаж о встрече М.С. Горбачева с руководством Литвы, Латвии, Эстонии.

Впечатление почти такое же, как и от разговора в лифте с В.Д. Дудинцевым.

13 сентября 1989 года, Пицунда

РАЗГОВОР ПОСЛЕ ЛЕКЦИИ

Люди разъезжаются.

Уехала вчера и Марина, а я продлил путевку, чтобы дописать роман.

В опустевший Дом творчества заезжают новые писатели, но их немного, и все они для нас, пицундских старожилов, непривычно бледные, белые...

Ходил сегодня на лекцию, которую читали специально для отдыхающих.

Впечатление грустное.

В 1907 году абхазы любили государя-императора, подписавшего манифест «Мои верные абхазы», а сейчас они любят Ленина, который тоже защищал их.

По дороге в Дом творчества разговорился с грузинским писателем, приехавшим в Пицунду из Москвы.

Слово за слово, он выдал мне свою версию истории Абхазии.

Иоанн Златоуст, создавший здесь первую в Закавказье Православную кафедру¹, никаких абхазов не видел, потому что абхазов тут вообще не было. Они пришли сюда в XVII веке, украв имя у грузинского племени «абхазы». И письменности у них не было до XIX века, пока ее не придумал какой-то немецкий генерал.

В 1944 году — слава богу! — было ликвидировано обучение на абхазском языке, но Хрущев — такой ишак! — возвратил письменность абхазам!

— А сколько всего сейчас абхазов? — спросил я.

— 95 тысяч...

— Так мало?!

— У них национальность деньгами оплачивается! — сказал грузинский писатель. — Сколько есть денег, столько и абхазов... А еще заварушку устроили! Пользуются, что свобода сейчас, вот и не хотят спокойно жить, ишаки такие...

Я не стал говорить, что, как я вычитал из листовки, заварушки-восстания абхазы устраивали и в 1957, 1968, 1979 годах, а волнения нынешнего года начались из-за того, что решено было ликвидировать абхазскую автономию, чтобы выйти из СССР...

Я не стал повторять эти не очень-то приятные для грузинского уха моего собеседника факты, а просто спросил, правда ли, что народный фронт Грузии считает, что Грузия может допус-

¹ Святитель Иоанн Златоуст был сослан в Армению, откуда его послали затем в глухой Пителис (Пицунду, в Абхазии). Он был сильно болен и в Каманском монастыре, расположенном вблизи Сухума, скончался 14 сентября 407 года. Изучать Абхазию у него не было ни сил, ни времени.

тить проживание только пяти процентов негрузинского населения на своей территории?

Московский грузин по-орлиному посмотрел на меня, высматривая, не готовлю ли я какого подвоха, но не обнаружил ничего опасного, и взгляд помягчел.

— Грузия — маленькая страна, — сказал он задушевым голосом. — Здесь иначе нельзя...

17 сентября 1989 года, Пицунда

ЭПИЛОГ

Всё-таки дописал роман.

Непонятно как, но дописал.

Большого удовлетворения от эпилога нет — словно бы сорвалось дыхание.

В газетах опубликована платформа ЦК КПСС «Национальная политика партии в современных условиях». М.С. Горбачеву предоставлены чрезвычайные полномочия на 18 месяцев для обеспечения перехода к рыночной экономике.

Еще одна, после того как отобрали орден у мертвого Брежнева, победа Михаила Сергеевича.

Или это уже эпилог перестройки?

Завтра улетаю в Ленинград...

25 сентября 1989 года, Пицунда

ЛОГИКА СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

Кажется, что текущие события никак не связаны друг с другом и никакого влияния ни на что не оказывают, а существуют сами по себе в броуновском движении современной российской истории...

Вот события одного дня.

Принят закон о трудовых коллективах, по Центральному телевидению транслируют первый сеанс «медиаума-целителя» Анатолия Кашпировского, начался Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, посвященный 400-летию патриаршества на Руси.

Но это только кажется, что тут нет связи...

Задумываешься и понимаешь, что закон, признающий право советских рабочих на забастовку, должен компенсироваться системой воздействия неких иррациональных темных сил на массы, чтобы удерживать их в подчинении. Ну а что может противостоять агрессии темных сил?

Только Русская Православная Церковь!

9 октября 1989 года, Ленинград

КРЕЩЕНИЕ

МЫСЛИ О КРЕЩЕНИИ

Вчера вечером — был день 77-летия мамы — долго думал, крещеный я человек или нет.

В детстве меня могла крестить только бабушка, больше никому, действующая церковь была лишь в Важинах, поездка туда заняла бы дня три и наверняка бы запомнилась.

Мысли эти как-то волной нахлынули, и успокоился я, когда подумал, что в Москве надо будет сходить к Алле Александровне Андреевой, посоветоваться, как мне быть, а сегодня утром раздался звонок.

Алла Александровна и звонила.

Сказала, что приехала в Ленинград и хочет повидаться.

— А вы сегодня приехали? — спросил я.

— Нет... — ответила Алла Александровна. — Вчера...

13 октября 1989 года, Ленинград

ГЕНИЙ МЕСТНОСТИ

Занимаюсь в библиотеке книгами деда, Ивана Алексеевича Шергина. Еще разбираю записные книжки.

Приходил сегодня Андрей Поздняев. Говорил с ним о сборнике «Гений местности».

Андрей послушал и сказал: «Ты от всех друзей собираешь в этот сборник всё самое лучшее!»

В принципе, он прав, так это и есть...

Хочется сделать так, чтобы тексты людей, не знающих друг друга, слились в единое целое, оттеняя и дополняя друг друга...

19 октября 1989 года, Ленинград

КРЕЩЕНИЕ

Живу в Переделкино.

Шесть дней практически не выходил из корпуса. Или играл в бильярд, или сидел в номере и писал повесть «Столица нашего мира»...

Сегодня 9 ноября. 27 октября по старому стилю. День рождения отца. Ему исполнился бы сегодня 81 год.

Проснулся утром — так ясно, так чудно вокруг. Все деревья в инее.

Приехал в Москву. Алла Александровна Андреева с Мариной Тимониной уже ждали

меня возле церкви Воскресения Словущего на Успенском вражке.

Обряд крещения длился часа два. Алла Александровна вызвалась стать крестной. И тоже так ясно было на душе, так чудно, как утром, когда проснулся и подошел к окну, выходящему в парк.

Я не выбирал день, но сегодня день памяти святого мученика Нестора. Он жил в городе Салуне, где у царя Максимилиана был борец Лий — человек непобедимой силы, ибо «духи нечистые обитали в нем». Лий убивал и христиан, которых заставляли бороться с ним. И вот на бой с Лием вышел Нестор, которого благословил христианин Дмитрий. Нестор победил Лия и был казнен разгневанным Максимилианом.

— Боже Дмитрия, помоги мне! — оградив себя крестным знамением, воскликнул он перед смертью.

И, конечно, это день памяти Нестора Летописца. Исполняя послушание, он откопал мощи преподобного Феодосия и «был очевидцем великих, совершающихся при сём чудес, о чем сам свидетельствовал».

Божие Чудо — и «Повесть временных лет», созданная Нестором...

Такое ощущение, что эти подробности из житий святых, память которых ныне совершается, указание мне, знаки, которые я должен постигнуть.

Может быть, бой с Лием, населённым нечистыми духами, предстоит, а может, сосредоточенный «благоугождающий Творцу лет» труд...

Вот только какой Дмитрий благословит меня на бой?

Вот только явятся ли мне мощи преподобного, как явились они Нестору, чтобы совершить чудо преображения?

9 ноября 1989 года, Москва

В ПРЕДВЕРИИ АПОКАЛИПСИСА

Разрушили Берлинскую стену. Восстановили в советском гражданстве М.Л. Ростроповича и В.Н. Войновича. То ли от горя, то ли от старости умерла легендарная испанская коммунистка Долорес Ибаррури...

Я за эти дни закончил повесть «Столица нашего мира».

Сегодня сходил в Солнцево и купил три бутылки водки.

В очереди за водкой все почему-то обсуждали, когда взорвётся Новоярославский нефтеперегонный завод.

Говорили, что после взрыва уцелеет только треть жителей города.

Потом мы сидели с Виктором Кривулиным в его номере и пили.

Когда допили вторую бутылку, я рассказал об апокалипсических слухах в Солнцево.

— С какой стати две трети ярославцев должно погибнуть? — спросил я. — Что там, атомные бомбы, что ли, на этом нефтеперегонном заводе делают?!

Виктор про Новоярославский нефтеперегонный завод, похоже, только от меня и услышал, но посмотрел на меня со значением, будто знал секрет этого завода.

И убедил, убедил он меня этим взглядом. Выпили мы с ним, не чокаясь...

И больше уже ничего не осталось в памяти!

13 ноября 1989 года, Переделкино

ОТКРОВЕНИЯ

После Крещения прорезаются откровения, и откровения зачастую очень горькие.

Зря я писал в «Столице нашего мира», что все студенты нашего института погибли. Кто-то ведь и спасся. Но спаслись как раз те, кого мы считали потерянными. Как произошло это? Не понимаю... Словно кто-то глаза мне тогда завязал и так и заставил жить.

Перебирал материалы, связанные с Рубцовым.

Повесть о Николае Михайловиче нужно писать как попытку разобраться в самом себе.

18 ноября 1989 года, Переделкино

СВОБОДА

Заснул днем и, когда проснулся, неожиданно — это, кажется, и была мысль, которая разбудила меня! — понял, что больше всего мешают мне верить и жить, как православному человеку, это наработки, система связей, что существуют во мне. Эти связи, как решетки, за которыми и томится душа.

Может быть, если ходить в церковь, удастся освободиться от них, удастся вырваться из-за решетки, куда я сам себя и загнал.

20 ноября 1989 года, Переделкино

МОНАСТЫРСКИЙ КРЕСТЬЯНИН

Ездил в Москву.

Был у Сергея Михайловича Волжина-Ястребова.

Из дома он выходит сейчас, только чтобы купить кофе, в квартире не убирает. Жена его, Марина, совсем перебралась к Алле Александровне.

Сергей Михайлович совершенно зарос бородою, и, когда я пришел, он сразу огорошил меня новыми планами. Оказывается, он решил оставить театр и стать монастырским крестьянином.

Я ему сказал, что читал в книжках про монастырских крестьян... Там пишут, что им приходится работать. И тяжело работать...

Сергей Михайлович сразу поскучнел, но мы выпили, и он воодушевился снова.

Читал — глаза в глаза! — «Щепку» Владимира Зарубина.

Впечатление сильное. И текст мощный. И исполнение хорошее.

А вот в «Борисе Годунове» у Сергея Михайловича сейчас только юридический получается.

Утром Сергей Михайлович пошел проводить меня до метро.

По дороге жаловался, что он любит Марину Тимонину, а Марина его разлюбила, когда он решил монастырским крестьянином стать.

И при этом как-то хитровато, должно быть, как монастырский крестьянин, смотрел на меня.

22 ноября 1989 года, Переделкино

ГОЛОСОВАНИЕ

В Ленинграде холодно — третий день мерзну.

Сегодня принесли «Неву» с началом романа «Пригород», но теплее всё равно не стало.

Поздно вечером пришел Николай Шадрунов. Он уезжает в Переделкино и принёс мне доверенность на свой голос на собрании, которое будет решать вопрос о редакторе журнала «Ленинград».

— А за кого я голосовать должен? — спросил я.

— Проголосуй как знаешь! — сказал Шадрунов.

Тут начался выпуск «600 секунд», и Невзоров сказал, что редактором «Ленинграда» назначен Сергей Воронин.

— Ну, я поеду, — сказал Шадрунов. — А ты все-таки не забудь за меня проголосовать.

И уехал успокоенный...

27 ноября 1989 года, Ленинград

ВОЗНЕСЕНСКИЙ СОН

Приснилось Вознесенье.

Я (видимо, прилетел на самолете) стою возле вагончика на краю поля, где садились у нас в поселке самолеты. У меня много вещей, и как дотащить их до дома, я не понимаю.

Но тут окликают меня.

Это отец. У него тележка, и я радуюсь, что на этой тележке мы и повезем вещи.

И тут же вспоминаю, что отец уже давно умер, и просыпаюсь.

30 ноября 1989 года, Ленинград

НЕЗАВИСИМЫЕ

Передали в новостях, что помещен под домашний арест бывший лидер ГДР Эрих Хонеккер. Никаких симпатий к Хонеккеру я никогда не испытывал, но ситуация вокруг него аккумулирует столько мерзости, что невольно начинаешь сочувствовать ему.

Точно так же и у нас в Союзе писателей.

Свободомыслие все явственнее преобразуется в мерзость русофобии.

Сегодня собирались в Союзе писателей, чтобы выработать платформу независимых. Независимые — это Элигий Станиславович Ставский, Евгений Васильевич Кутузов, Владимир Дмитриевич Ляленков, Глеб Яковлевич Горбовский, Владимир Михайлович Акимов, Николай Андреевич Внуков, Владимир Егорович Насущенко, Леонард Иванович Емельянов и я...

Все собравшиеся согласны были, что нельзя дальше терпеть визгливый диктат нового прогрессивного секретариата, что вообще Союз писателей должен распаться на несколько групп и объединений и возглавлять его должен Совет, в который бы вошли представители всех творческих объединений.

Но с другой стороны, объединяться на отрицании только потому, что нам не нравятся новые руководители Союза писателей, нелепо. Правильно сказал Леонард Емельянов, что у «Содружества» есть пусть и ущербная, но готовая программа.

А у нас?

Решили собраться через неделю и разошлись, все такие независимые...

5 декабря 1989 года, Ленинград

В ВОЛОГДЕ

Часы забыл в Ленинграде, времени не знаю, спать не могу — сердце колотится радостно и возбужденно. Думаю о том, сколько у меня сейчас работы. Еще думаю, как хорошо быть свободным писателем.

Весь вечер провел с вологодскими писателями, которые собрались у меня в гостинице.

О литературе почти и не говорили.

Сидели, выпивали и рассказывали разные истории.

Запомнился рассказ, как сидели дома в городской квартире, вдруг скрипнула дверь в коридоре.

— Заходи, заходи, крещеная душа! — сказала мать, но никто не вошел.

А через час принесли телеграмму из деревни — сгорел в своем деревенском доме отец...

Под утро приснился сон, будто я пробираюсь сквозь вознесенский дом. Пробираюсь почему-то с лошастью. Аккуратно провожу ее через раскрытое окно, веду в поводу по комнатам...

Кто-то спит в доме, и я стараюсь вести лошадь тихо, чтобы не разбудить спящих.

В палисаднике — мать, и я боюсь, чтобы она тоже не услышала меня...

14 декабря 1989 года, Вологда

НОВОСТИ

Вчера, как передали в «Новостях», во время работы над проектом новой «Конституции Союза Советских республик Европы и Азии» умер от остановки сердца академик Андрей Дмитриевич Сахаров.

Будучи одним из создателей водородной бомбы, он провозглашал, что «глобальные цели выживания человечества имеют приоритет перед любыми региональными, классовыми, партийными, групповыми и личными целями».

Сегодня начались волнения в городе Тимишоара в Румынии. Полиция и войска разогнали демонстрантов водомётами.

Я от этих новостей ушел в ГАВО.

Но в архиве тоже новости. Архив работает сегодня последний день и закрывается до Нового года.

Кроме того, в будущем году архив переводится на хозрасчет.

Теперь, чтобы поработать с документами Николая Рубцова, придется платить.

15 декабря 1989 года, Вологда

ПРОЩАНИЕ С ВОЛОГДОЙ

Утром ходили с Вячеславом Белковым на последнюю квартиру Николая Рубцова.

Квартира крохотная. От Рубцова осталась только двухконфорочная газовая плита на ножках на кухне.

Хозяин квартиры — общительный, очень простой в общении человек. Фамилия — Шолохов.

Из квартиры Рубцова и уехал в аэропорт.

16 декабря 1989 года, Вологда

АГРЕССИЯ НРАВСТВЕННОЙ ГЛУХОТЫ

Пропаганда времён застоя при всем своем бесстыдстве была более целомудренной, нежели то, что мы видим и читаем сейчас.

Парадокса тут нет.

Прежняя пропаганда старательно избегала всего, что способно было затронуть совесть, и потому проскальзывала, не задевая души человека.

Другое дело сейчас. Апелляции к совести, к состраданию читателя и зрителя — горячее для работы нынешней пропагандистской машины. Слова «очищение» и «покаяние» звучат так часто и громко, что незаметно превратились в модные побрякушки, до которых наиболее падки люди, не задумывающиеся всерьез, что же это такое — нравственное очищение и покаяние? И происходит то, что и должно произойти, когда нравственные категории становятся предметом моды. Возникает нравственная глухота, особенно страшная из-за своей воинственности.

И вот мы уже видим на экране телевизора известную московскую актрису, которая, сидя в купальнике, рассуждает, как и положено в «Пятом колесе», о вере в Бога, о покаянии, так необходимым нашему непутёвому народу.

И трудно разобраться, то ли это новая, эротическая форма нравственной проповеди, то ли нравственность используется как острая приправа к эротическому действию.

20 декабря 1989 года, Ленинград

ДОЖДИ В КОМАРОВО

Приехал в Комарово.

Здесь предновогодняя погода — идет дождь.

На улицу не выйти.

Закрылся в своем двухкомнатном номере и — целую грудку набросков привез с собою — начал разбирать бумаги. Вроде бы мерещится что-то,

но как соединить это, не знаю. Вернее, не чувствую. Мерещится что-то, возникают какие-то видения, но тут же пропадают.

До вечера жил в этих миражах, порождаемых сыплющимся дождем, а после ужина хотел поиграть в бильярд, но в бильярдной никого, все в телевизионной комнате, откуда несется гул голосов.

Действительно, все там, все места заняты, все сидят и ждут чего-то...

– Про Румынию новости обещают? – спросил я.
– Нет... Наши писатели выступать будут...

Действительно, началась передача, посвященная событиям в Ленинградской писательской организации.

Выступали Сергей Алексеевич Воронин, Марк Николаевич Любомудров, Вильям Федорович Козлов, Евгений Вячеславович Туинов.

И хотя говорили они о том, что и меня сейчас волнует, но как-то ужасно глупо. Больше других понравилось выступление Марка Николаевича Любомудрова.

22 декабря 1989 года, Комарово

ЕЩЕ ГОД НАЗАД

Дождь прекратился, и земля покрылась льдом.

В Румынии творится что-то непредставимое.

За завтраком рассказали, что Николае Чаушеску вместе с супругой Еленой Чаушеску был арестован и тут же приговорен к смерти и казнён.

Вернувшись в номер, заснул, и разбудила меня залетевшая в окно синица. Полетала и сразу же улетела, выбравшись в дыру в оконной сетке.

Встал, вышел на улицу.

На заливе тоже нет снега, а тот, что есть, занесён песком.

Долго ходил по пустому берегу и вспоминал, как еще весной ехал я по Румынии, как сидел с Ралукой – дочерью нашей переводчицы – в вагоне-ресторане, пил коньяк и слушал рассказы Ралуки о проносящихся мимо румынских сёлах и городках...

И вообразить тогда, что произошло сейчас, было невозможно...

За обедом сосед по столику рассуждал, что сейчас самое время вводить войска в Румынию. Другой сосед возражал, говорил, что это будет страшной ошибкой. Я слушал их и думал: интересно, как мы будем вспоминать эти споры через год?

23 декабря 1989 года, Комарово

ПОМОЩЬ ДЛЯ ДУШИ

Играл сегодня с Марком Николаевичем Любомудровым в настольный теннис.

А вечером – в моем номере телевизор стоит! – он зашел посмотреть, как будут показывать ответ Якова Аркадьевича Гордина, Николая Прохоровича Крыщука и Ильи Олеговича Фoniaкова на выступление лидеров «Содружества».

«Содружники», конечно, неважно в пятницу выступали, но и оппоненты их тоже не блистали на телеэкране.

Марк Николаевич как-то сразу помягчел, чувствовалось, что напряжение сошло с него, и мы посидели еще, поговорили о жизни.

С удивлением узнал, что Марк Николаевич, такой, по слухам, твердолобый и боевитый человек, живет холостяком со старым больным отцом.

Он ушел, а я подумал, что перестройка для меня все-таки наступила очень вовремя. Может быть, для карьеры и лучше было бы, если бы она сдвинулась на несколько лет в ту или другую сторону, но не карьерой же жив человек...

Перестройка помогла не столько моим делам, сколько душе.

Совершенно определенно, что я соскальзывал в пропасть, и еще неизвестно, удастся ли мне выкарабкаться из нее.

Хотя ощущение силы, которая может позволить выкарабкаться, появилось...

25 декабря 1989 года, Комарово

ПРИДЕТСЯ ЗАДЕРЖАТЬСЯ

В Чехословакии избран президентом диссидент-драматург Вацлав Гавел, а в Москве в последний день II съезда народных депутатов СССР депутаты приняли постановления о политической и правовой оценке советско-германского договора 1993 года о ненападении (пакт Молотова–Риббентропа) и ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 года...

Ездил в Ленинград получить деньги за составление сборника «Гений местности».

Вечером встретился с приехавшим из Москвы однокурсником Владимиром Козаченко. Он рассказывал, что русская партия проигрывает и на этих выборах.

– А в Ленинграде как?

– А в Ленинграде ещё хуже... – сказал я, и, видно, так сказал, что Козаченко, чтобы уте-

шить меня, рассказал, будто московские патриоты передают слова Петра Васильевича Папиевского, который якобы заявил, дескать, «потеря Москвы не есть потеря России»...

Но это не очень-то и утешило.

Суждение спорное, да и то, что Петр Васильевич это не Михаил Илларионович Кутузов — совершенно точно известно.

— Тогда Бог остается... — сказал Козаченко. — Сейчас только Бог может спасти Россию!

Только проводил его, явился Виктор — Маринин брат из Минска.

Виктор — кооператор. Он и раньше всегда уезжал куда-то, а теперь решил уехать в Австралию.

— И когда уезжаешь?

— Не знаю... — сказал Виктор. — Тут такое дело... Я по пьянке потерял печать своего кооператива, придётся задержаться.

Ну что тут скажешь?

Действительно, только Бог и может спасти нас...

26 декабря 1989 года, Ленинград

СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА КОНЕЧНАЯ

Не спеша дописал рассказ «Следующая остановка конечная». Рассказ большой и вполне достойно завершает год.

За эти дни навалило снега, и я отправился показаться на лыжах по комаровским окрестностям и, подобно герою своего рассказа, думал, зачем горевать о том, чего у тебя нет.

Нет многого, и что? Лучше думать, сколько у тебя всего есть. Вот, например, этот прекрасный заснеженный лес... Разве этого мало?

Ночью проснулся.

Пытался заставить себя думать про рассказ, который дописал, про заснеженный, сияющий искрами света лес, по которому катался на лыжах, но ничего не помогало.

О, как отчаянно горько бывает по ночам, когда не можешь заснуть!

28 декабря 1989 года, Ленинград

СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Сокращал с утра пьесу про Рубцова, а вечером поехали в гости к Анатолию Павловичу Злобину.

Квартира у Злобина просто шикарная. Множество комнат, прекрасный кабинет и библиотека — в специальной боковой комнате-коридоре. Анатолий Павлович водил нас по комнатам,

и у меня создалось впечатление, что и пригласил он нас, чтобы похвастать квартирой.

Ну что ж, эта квартира действительно произведение искусства.

За столом Злобин рассказывал московские новости.

О том, что мой бывший шеф по «Неве» Борис Николаевич Никольский ходит к нему обедать, что в «Огоньке» готовится пасквиль на нашего партийного вождя Бориса Гидаспова, что советская армия брошена на предотвращение конфликта между Грузией и Осетией, что Андрей Дмитриевич Сахаров перед смертью шантажировал Михаила Сергеевича Горбачева...

Ну и все в том же духе.

После застолья Анатолий Павлович предложил поиграть в шахматы.

Первую партию я поддался из вежливости. Вторую — проиграл, зевнув фигуру. Третью — выиграл.

Четвертую партию Анатолий Павлович отказался играть...

7 января 1990 года, Москва

ЗОЛОТО И ПЛАТИНА

Повышены цены на ювелирные изделия из золота и платины.

Но говорят об этом мало...

Звонил Кожинув. Вадим Валерианович долго рассказывал об успехах русского движения, а потом сказал, что он теперь очень влиятельный человек в «Нашем современнике». Попросил принести в журнал «Гавдарею».

В ЦДЛ встретился с Петей Кириченко. Поговорили о жизни, о том, что хочется всегда говорить то, что считаешь нужным, а не то, что надо кому-то.

— Но для этого надо быть одному, — сказал Петя. — С семьей очень тяжело жить так.

Золотые слова, конечно, а мысли почти платиновые...

Потом вспомнили нашего общего знакомого Сашу Лисняка, который, как и Петя, переехал в Москву.

Петя вздохнул и сказал, что Саша попал в сумасшедший дом...

10 января 1990 года, Москва

МАТЬ И СЫН

Звонил Саша, наш бывший сосед по коммуналке.

Сказал, что мне пришел денежный перевод.

— Спасибо! — сказал я. — А как вы живете? Как Валентина Андреевна себя чувствует?

— Валентина Андреевна умерла, — сказал Саша.

Я не обратил внимания, почему он назвал мать по имени-отчеству, но когда, забрав извещение на перевод, уже уходил, из соседней квартиры выглянула соседка.

Она-то и рассказала, как умерла Валентина Андреевна.

— Говорят, что упала она, а это не она упала... — прошептала она, испуганно оглядываясь на дверь. — Это Сашка и убил ее!

Господи! Что за несчастная жизнь досталась Валентине Андреевне!

Детство ее пришлось на блокаду.

Потом растила детей. Младший сын, Сашка, которого особенно любила она, когда вырос, попал в тюрьму.

Она осталась одна и, дожидаясь сына, потихоньку привыкла пить.

Когда Саша вернулся с зоны, он начал прессовать мать.

Пока мы жили в квартире, дело ограничивалось руганью, а в последние годы Саша начал давать волю и рукам. Синяки не сходили с лица Валентины Андреевны, это я сам видел, когда заходил за почтой.

— Она и в гробу с синяками лежала, — прошептала соседка.

— А милиция чего?

— А чего милиция сделает? — вздохнула соседка.

— Валентина-то перед смертью, когда очнулась, сказала, что сама упала, а сверху ваза на нее свалилась...

14 января 1990 года, Ленинград

БЕСКОНЕЧНЫЙ КОШМАР

Где-то простудился и, захлебываясь соплями, пытаюсь писать статью об А.И. Солженицыне для «Студенческого меридиана», а тут еще и Марина заболела...

И по «Новостям» какой-то бесконечный кошмар в Азербайджане.

Митинги в Баку. Беспорядки в Ленкорани и Джелалабаде.

Власть переходит в руки Народного фронта Азербайджана. Народный фронт создает «временный комитет обороны» и требует от властей провести референдум по вопросу об отделении от СССР. Борис Пуго назначен министром внутренних дел СССР.

В Баку снова начались погромы. Тысячи людей убиты, тысячи домов и квартир разграблены, десятки тысяч людей превратились в беженцев.

16 января 1990 года, Ленинград

УБЕДИЛ...

Ходил в «Советский писатель», смотрел оформление экологического сборника, который я составлял.

Разговор художников...

— Надо шрифт в заголовке усилить! — сказал Гоша Семенов, замещающий сейчас главного художника издательства. — Хорошо бы «Гений местности» пожирней сделать...

— Нет! — возразил художник Бабанов. — Так рисунок потеряется...

— Мы Прибалтику теряем, а вы рисунок жалеете! — сказал Гоша, и Бабанову на это нечего оказалось возразить.

Согласился доработать обложку.

18 января 1990 года, Ленинград

ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ

По «Голосам», как главную новость, передают сообщение о потасовке в Центральном доме литераторов в Москве между членами писательского клуба «Апрель» и лидером Союза за национально-пропорциональное представительство «Память» К.В. Смирновым-Осташвили.

В потасовке пострадали очки моего приятеля Анатолия Курчаткина.

Я эти очки хорошо помню, вид в них у Анатолия всегда очень добродушный и домашний...

И вот, оказывается, растоптали эти очки.

В принципе, ничего особенного не произошло, но говорят про очки по всем «Голосам», как будто земля в ЦДЛ разверзлась.

Ощущение жутко неприятное, а тут еще позвонил Николай Федоров из «Костра».

— Ты слышал, что в Кремле происходит? — спросил он.

— Не в Кремле, а в ЦДЛ... — сказал я.

— Да не в ЦДЛ, а в Кремле! Там сегодня служба пройдет, которую нью-йоркский раввин Артур Шпейер проведёт... Между прочим, это впервые в истории!

— Ну и про поломанные очки тоже впервые в истории говорят столько! — сказал я.

19 января 1990 года, Ленинград

ЗАЩИТНИКИ

Приехал из Москвы Сергей Михайлович Волжин-Ястребов.

Привез бутылку коньяка, мешок сахара, три больших упаковки японского хозяйственного мыла и килограмм кофе.

И, разумеется, цветы для Марины.

Цель его приезда — написать композицию по моему «Пригороду», который он выучил наизусть.

Работу начали, как и положено. Купили пять бутылок водки и засели... Правда, не за работу, а за водку.

Разговаривали о политике, о том, что будет со страной.

Когда за третью бутылку взялись, сошлись на том, что, кого народ больше не любит, евреев или начальство, это и определит всё. Хотя, конечно, у нас в стране не любить кого-то сильнее, чем начальство, просто невозможно.

Поговорили и о бегстве русских из Азербайджана.

Сергей Михайлович рассказал, что после горбачевской военной авантюры в Баку русских беженцев вывозят в Подмосковье самолетами военно-транспортной авиации.

Как раз тут и позвонил Юрий Александрович Помпеев.

Мы с Юрием Александровичем в издательстве «Советский писатель» работали, а до этого, когда я еще только вступал в Союз писателей, он пригласил меня в группу авторов, которая должна была написать книгу о Ленинградском металлургическом заводе. Потом работали вместе в «Советском писателе» и даже подружились.

Сегодня Юрий Александрович позвал меня ехать с ним в Баку, примерно так же, как в своё время звал на экскурсию на завод.

Я объяснил, что товарищ из Москвы приехал, что мы должны с ним работать, да и не очень-то я понимаю, что в Баку происходит. С какой стати русские жители Баку за головотяпство Гор-

бачева отвечать должны? Конечно, надо их защищать!

— Да не русских в Баку защищать надо, а интернационализм! — сказал Юрий Александрович.

Может быть, если бы трезвым был, я и смолчал бы...

А сейчас не стерпел!

— Не, — сказал я. — Интернационализм я точно защищать не поеду!

25 января 1990 года, Ленинград

САМОИСТРЕБЛЕНИЕ

В Баку не поехал.

С Сергеем Михайловичем все эти дни такое Баку в моей квартире стоит, что никуда и ехать не нужно. Сами себя истребляли.

Такое ощущение, что сосуды в висках спазмируются.

Весь день лежал.

Марина ездила дежурить за всю родню с 12 до 14 часов в мебельном магазине, а вечером ходила с Сергеем Михайловичем по магазинам. За чем-то купили нам ультрафиолетовый облучатель и гипсовый плафон, который они решили прибить к потолку.

Интересно, как они гипс к бетону прибивать собираются?

27 января 1990 года, Ленинград

КОМПОЗИЦИЯ

Марина свозила Сергея Михайловича на Смоленское кладбище к блаженной Ксении, и он заболел.

У него какая-то загадочная (должно быть, поражающая монастырских крестьян) болезнь, выражающаяся в полном упадке сил. Сергей Михайлович пьёт немислимо крепкий кофе и не двигаясь лежит на диване.

Чтобы расшевелить его, рассказывал революционные страшилки, а потом подумал, что хорошо бы записать их. Несколько страниц текста набралось...

Назвал подборку — «Рассказы старого большевика».

То ли стук машинки на Сергея Михайловича подействовал, то ли кофе помог, но он поднялся.

Несколько часов просидели с ним, составляя композицию по «Пригороду».

Вечером пришел Виктор Самохвалов, и Сергей Михайлович прочитал композицию вслух.

Получилось здорово.

31 января 1990 года, Ленинград

ХРИСТИАНСТВО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Не могу забыть рассказанную Виктором Самохваловым историю о подростках, с которыми он встретился на заседании комиссии по делам несовершеннолетних...

Дело рассматривалось самое обыденное для пятого года перестройки. Трое подростков зверски избили пожилого человека... И, наверное, не стоило бы и говорить об этом деле, если бы Виктор не обратил внимания на нательные кресты, что болтались на шеях крепких ребят.

— Что же, вы и в Бога верите? — спросил он.

— Верим! — с вызовом ответил один из подростков. — А что?

И в самом деле: что тут такого?

Если соединяется христианство и бесстыдство, то отчего не соединить и христианство с насилием?

2 февраля 1990 года, Ленинград

ИСТОРИЧЕСКИЙ СОН

Обдумываю изменения в «Гавдарее» и одновременно составляю с Сергеем Носовым «Русский хронограф».

Потом откладываете «Русский хронограф», а даты остаются.

Крутятся в голове, а некоторые и в сон залезают.

Сны странные, тревожные и как бы исторические...

Приснилось, что я был на какой-то войне подпольщиком. Меня арестовали и теперь допрашивают. Я молчу, но ужасно трушу.

Однако следователь не спешит переходить к пыткам.

— Кто же, вы считаете, победит? — спрашивает он.

— Не знаю, — отвечаю я. — Это зависит от того, кого избиратели больше не любят, евреев или начальство...

Следователь улыбается и предлагает мне написать письмо...

— Кому? — спрашиваю я.

— Тёзке вашему... Николаю Михайловичу Карамзину.

— Историк? — уточняю я.

— Историк! — кивает следователь. — Только письмо очень коротким должно быть. Строчек пять-шесть... Больше нельзя. Трудно будет передать...

Я недоверчиво смотрю на следователя, но очень хочется написать Карамзину о том, что происходит у нас.

И я пишу. Писать очень трудно. Невозможно вместить происходящее на той войне, где я был подпольщиком, в пять-шесть строчек. Я пишу, зачеркиваю, снова пишу...

Всё это длится очень долгое время. Следователь меня не торопит, но то и дело поглядывает на часы, и рука его лежит на кнопке звонка...

То ли для того, чтобы вызвать конвой, то ли для того, чтобы вызвать посыльного.

Я тороплюсь, нервничаю, и все равно звонок раздается так страшно неожиданно, что я просыпаюсь.

Надрываясь, звонит телефон.

Это Сергей Носов...

— У меня не получается ничего! — говорит он. — Может, мы вообще без одиннадцатого и без двенадцатого веков обойдемся?

— Не, — говорю я еще сквозь сон. — Карамзин нас не поймет, если мы Киевскую Русь выброшим...

7 февраля 1990 года, Ленинград

ВСТРЕЧА

Ходил в Союз писателей на встречу писателей с Борисом Николаевичем Ельциным.

И хотя никаких сообщений не было, только по телефону обзванивали писателей, втиснуться в актовый зал удалось с трудом.

Поначалу Ельцин преимущественно лозунгами — «Нам нужна обновленная демократическая Россия!», «Говорить, что Горбачеву нет альтернативы — это оскорбление для 280-миллионной страны!» — шпарил.

При этом всё время прятал глаза — то в пол смотрел, то в окно, то в потолок...

Ожил только, когда перешел к ответам на записки.

«Вы говорите, что решение по Тбилиси принимало Политбюро. А Горбачев говорит, что узнал о Тбилиси только в аэропорту. Кто врёт?»

— А почему вы думаете, что в аэропорту нельзя провести заседание Политбюро? — спросил

Ельцин. — Горбачева все члены Политбюро встречали...

«Уступит ли Горбачев власть?»

— Горбачев ни одной должности добровольно не отдаст, он только приобретает должности умеет!

«Что вы думаете о Собчаке?»

— Слишком уж быстро он бегаёт, когда его пальцем из президиума манят!

Впечатление от встречи странное...

Зачем-то купил на четыре рубля демократических прибалтийских газет и потом, пока читал их в трамвае, возвращаясь домой, всё время думал, зачем покупал их.

10 февраля 1991 года, Ленинград

ТЕМНАЯ ИСТОРИЯ

Когда Ельцин выступал у нас в Союзе писателей, всё время глаза прятал — то в пол смотрел, то в окно, то в потолок...

Только когда прочитал записку — «Как с вами можно связаться?» — прямо посмотрел в зал.

Потом вслух продиктовал телефон.

Мне ельцинский телефон, который он всему залу диктовал, не нужен был, но один мой знакомый старательно записал его и сегодня позвонил мне и сказал, что этого номера — 203-64-41 — вообще не существует.

— Может, ты ошибся, когда записывал?

— Так я поэтому и звоню! Проверить у тебя хотел...

— А я вообще не записывал, — сказал я.

— Темнишь? — обиделся знакомый. — Все вы темните...

И повесил трубку.

17 февраля 1990 года, Ленинград

ПАНИХИДА

Утром заходил Анатолий Курчаткин.

В Ленинград он приехал на день в бригаде сотрудников журнала «Знамя».

У нас с Анатолием дружеские отношения, мы даже в их квартире живём в Москве, когда Курчаткины уезжают...

Константина Осташвили я никогда не видел, и вот все равно он встал между нами.

Я в этом не признаюсь и самому себе, но Толя это как-то почувствовал. Невесело усмехаясь, сказал, что после того, как ему поломали очки,

он превратился в главное доказательство агрессивности шовинистов из «Памяти».

— Не очень-то завидное положение, — сказал я осторожно.

— Да уж, — сказал Анатолий.

Больше об этом не говорили, и так было видно: зажали Анатолия, что и не пошевелиться ему.

Потом я проводил Курчаткина в Союз писателей, где должна была проходить встреча с редакцией «Знамени», и простился с Толей.

— А на встречу не пойдешь? — спросил он.

— В церковь надо пойти, — сказал я. — Двадцать лет назад у меня мать умерла. Панихиду надо заказать.

Панихиду я заказал...

18 февраля 1990 года, Ленинград

ВАЖНОСТЬ МОМЕНТА

Ездил на отчетно-выборное собрание секции прозы.

Таких выборов у нас и в застойные времена не бывало.

Смотришь на наших демократов и понимаешь, что демократия, за которую они так самозабвенно бились год назад, уже отыгранная карта для них.

В «Литераторе» мой рассказ — «Поэты».

После собрания в кафе встретил Ивана Ивановича Сабилу, который замещает сейчас секретаря нашего партбюро.

— Получили моё письмо? — спросил я.

— Какое письмо?

Я рассказал, что, поскольку партбюро, чтобы поддержать наших демократов из секретариата, решило прекратить перечисление членских взносов в обком КПСС, я прекращаю в знак протеста против этого решения уплату своих взносов.

— Николай Михайлович! — сказал Иван Иванович. — Разве это теперь важно?

28 февраля 1990 года, Комарово

РЕАБИЛИТАЦИЯ

Столько я хлопотал о реабилитации Ивана Алексеевича Шергина, а сегодня прислали из прокуратуры Коми АССР ответ, и никакой радости не почувствовал.

«Письмо о реабилитации Шергина Ивана Алексеевича и Шергина Павла Алексеевича рассмотрено, — было написано в письме. — Оба они реоби-

литированы. Направляю две справки о их реабилитации».

И точно...

К крохотной сопроводилровке были прикреплены две бумажки побольше, украшенные жирными печатями.

«СПРАВКА О реабилитации

Гр-н Шергин Иван Алексеевич, 1866 года рождения, уроженец с. Серегово Яренского уезда Вологодской области, писатель, осужденный 12.03.30 г. тройкой ОГПУ Северного края по ст.58-10 УК РСФСР, реабилитирован 17.10.89 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов».

Зам. прокурора Коми АССР
старший советник юстиции В.Я.Беляев».

Вот и реабилитировали моего деда, Ивана Алексеевича Шергина...

Реабилитировали, как и сажали, тоже вместе со всеми.

1 марта 1990 года, Комарово

ИКОНА

Ходил в библиотеку и купил на улице за 25 рублей иконку Серафима Саровского.

Иконка дореволюционная, но не рисованная, а напечатанная на металле. И вроде и не ахти что из себя представляет, а на душе весь день светло, будто праздник сегодня.

Первая после кражи икона в доме появилась...

13 марта 1990 года, Ленинград

ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА

В телевизоре весь день сегодня депутаты выбирают президента.

Именно сейчас, когда на выборах депутатов РСФСР показала силу придуманная М.С. Горбачевым система альтернативных выборов, сам он на безальтернативной основе избран президентом СССР.

Господи!

Почему самые судьбоносные моменты нашей истории так похожи на колхозное собрание!

14 марта 1990 года, Ленинград

ЗАЩИТНИК ПАРТАППАРАТА

Отнёс сегодня статью «Нравственная глухота» в еженедельник «Ленинградский рабочий», где меня всегда и охотно публиковали даже в самые трудные времена.

Отводя в сторону глаза, заведующая отделом, которая печатала первые мои рассказы, объяснила, что сейчас критиковать «Пятое колесо» и комитет «Демократические выборы-90» никак нельзя, они борются с партаппаратом, в общем, читатели нас не поймут...

И когда я наивно попытался возразить, дескать, я и не касаюсь борьбы «Пятого колеса» с партаппаратом и если и вспомнил два досадных, по моему мнению, сюжета, то только чтобы проиллюстрировать свою мысль...

— Нет! — твердо сказала заведующая. — Всё равно сейчас эта статья будет прочитана так, будто мы с вами защищаем партаппарат.

— Где? Где мы его защищаем?

— Когда критикуем «Пятое колесо»...

— Я уберу про «Пятое колесо»...

— А что изменится?

Тут заведующая отделом была, конечно, права...

Мне, превратившемуся вдруг в защитника партаппарата, это было совершенно понятно.

17 марта 1990 года, Ленинград

УТРО ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

Повторные выборы в Верховный Совет РСФСР. Сторонники либеральных преобразований получили большинство мест.

Мы с Шадроновым уезжали в Москву, и такое ощущение было, что сквозь какое-то вражеское улюлюканье и ликование и еду в столицу нашей Родины.

Утром сразу отправились в Переделкино.

Переделкино ещё спало после выборов. Всё — в грязи, всё — в безудержно-радостном солнце...

Шадронов поселился в старом корпусе, а я долго искал свою пропавшую в коттедже комнату, пока меня не поселили в другой номер.

Вычитывал «Гавдарею».

То ли от того, что устал, то ли от того, что действительно не так уж это и сильно — разочарование.

Нет прежнего воодушевления.

18 марта 1990 года, Переделкино

МОСКОВСКИЕ ДЕЛА

Завёз Вадиму Валериановичу Кожинову «Гавдарею».

Поехал в журнальный корпус.

В «Сельской молодежи» О.М. Попцов уходит в «Московские новости», и вообще он уже депутат РСФСР.

В «Молодой гвардии» Александр Кротов рассказывает, что ЦК ВЛКСМ готово распустить комсомол, лишь бы закрыть журнал «Молодая гвардия».

Вычитал в «Студенческом меридиане» статью «Уроки Солженицына».

19 марта 1990 года, Москва

ПЬЯНКА В НОВОЙ МОСКВЕ

Ездил с Николаем Шадруновым в Центральный Дом литераторов.

И ресторан, и кафе битком забиты возбужденными писателями.

Разговоры с Михаилом Петровым, с Владимиром Бондаренко, с Львом Анненским.

Выпивал с Николаем Горбачевым, Петром Кошелем и Евгением Кутузовым.

Кутузов приехал в Москву как организатор оппозиционного движения в нашей писательской организации и первым делом требовал с меня и Шадрунова слово, что мы приедем из Переделкино на отчетно-выборное собрание.

В голове уже шумело, и слово мы дали.

Сквозь пьяный шум и сгущающуюся темноту запомнилось знакомство с Петром Паламарчуком, потом — с кооператором, который издал Антона Антонова-Овсеенко, заплатив ему 800 000 рублей.

Пьянка приобрела совсем уже фантастический характер, когда мы перебрались в заставленную коробками с шотландским виски квартиру Сергея Михайловича Волжина-Ястребова.

Виски это принадлежало шурину Сергея Михайловича Сергею-кооператору, мы пили его, строили какие-то грандиозные планы насчет «Общества любителей поэзии Николая Рубцова» и больше всего огорчались, что запасы виски не убывают...

20 марта 1990 года, Москва

ДОПИВАЯ ВИСКИ

Утром приехал в Переделкино Сергей Михайлович Волжин-Ястребов. Часа три я сидел с ним,

составляя устав «Общества любителей поэзии Николая Рубцова».

Вечером, за шахматами, мы допили с Анатолием Павловичем Злобиным привезенную Сергеем Михайловичем бутылку виски.

Когда бутылка уже опустела, я ужасно расстроил Анатолия Павловича, рассказав про А.В. Антонова-Овсеенко, которому кооператор якобы заплатил 800 000 рублей.

22 марта 1990 года, Москва

СЪЕДЕННЫЙ МАГОМЕД

Приехал Анатолий Королев. Привез пасхальную открытку и бутылку коньяка.

День выдался хороший, тёплый.

Когда допили коньяк, сходили в Солнцево. За чем-то я купил шесть бутылок шампанского и пять — водки.

Сидели в коттедже, за раскрытым окном бродил Шадрунов. Зайти в номер отказывался, но стопки, которые мы передавали, пил и снова пропадал в темноте.

Королев всё переживал, что ему завтра идти на приём во французское посольство, но пил, и только потом исчез куда-то...

Снова возник из темноты Шадрунов, начал рассказывать, что дагестанцы, набившиеся в соседний номер, съели Магомеда Магомедова.

Последнее, что помню, очень жалко было Магомеда...

Однокурсник, поэт и вообще человек хороший...

28 марта 1990 года, Переделкино

ИЗГНАНИЕ КРЫС

Вчера весь день — продолжение пьянки.

Откуда-то завелись в коттедже крысы.

Пока ходил в магазин, они изгрызли всю оставшуюся в номере закуску.

По совету Шадрунова разбил несколько бутылок и затолкал стекло в нору-ход, но это не помогло, ночью крысы появились снова, и пришлось отодвинуть кровать от стены и спать с зажженным светом.

Сегодня пытаюсь отойти от пьянки.

Какое-то полубоморочное состояние. Накопец полусон-полузабытье — я пытаюсь играть на флейте. И только тогда начало отпускать

похмелье, ушло и ожесточение, возникшее против крыс...

Вечером позвонил Вадиму Валериановичу Кожинову.

Он рассказал, что отдал мою «Гавдарею» в «Наш современник» и повесть понравилась, более того, повесть — это слова Вадима Валериановича — восхитила, как первая стоящая вещь, написанная сорокалетним.

Вернулся в номер. Собрал в ведро пустые бутылки, смёл со стола остатки еды и оставил ее на газетке на полу возле свежей прогрызенной норы-хода.

Еда исчезла, но крыс я больше не видел.

Спал спокойно...

30 марта 1990 года, Переделкино

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

После обеда, как и условились с Сергеем Михайловичем, поехал в Москву на встречу с кооператорами-издателями. И — такая вот первоапрельская шутка вышла! — никто, кроме самого Сергея Михайловича, не ждал меня.

И коробок с шотландским виски в квартире тоже уже не было.

Попили с Сергеем Михайловичем — кофе тоже не было! — кофейного напитка «Дружба», и я вернулся в Переделкино.

Там, вместе с холодным ужином, Шадрунов привел жаждущего опохмелиться Бориса Александровича Василевского.

Допил с ними остаток своего коньяка, а только проводил гостей, появился Магомед Ахмедов.

Он пригласил к себе в номер, где уже сидели Шамхал и Алексей Абдуллаев.

Магомед поставил на стол бутылку коньяка.

— Сынка надо позвать... — сказал Алексей Абдуллаев, когда Магомед поставил на стол вторую бутылку. — Пускай тоже полечится...

Он вышел и минуту спустя вернулся с Шадруновым.

— Всюду дети у тебя, Алексей... — порадовался я.

— И обо всех ты заботишься...

— Козе понятно, — сказал Абдуллаев, — что если у человека материальные трудности, помогать надо. Ничего, сынок... — он обнял Шадрунова. — У меня тоже жизнь была трудная, всё вино да говно, никакого просвета! Но живу... Коньяком друзей угощаю...

И он щедро наполнил коньяком стакан Шадрунова.

1 апреля 1990 года, Переделкино

ИКОНА ВЛАДИМИРСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Вернулся в Ленинград.

Показал Марине большую икону Владимирской Божией Матери, которую 7 апреля купил в церкви в Переделкино.

Рассказал, что долго выбирал икону и бабушки местные всё мне советовали купить другую, но я решил, что надо взять эту.

— Очень понравилась мне именно эта икона...

— Она не просто так понравилась... — сказала Марина и рассказала, что именно в этот день 7 апреля, на Благовещение, рядом с нашим домом освятили возвращенную верующим церковь во имя иконы Божией Матери Владимирской.

11 апреля 1990 года, Ленинград

ОЧЕРЕДЬ ЗА ПЫЛЕСОСОМ

Вчера, на день памяти мученика младенца Гавриила — ты за Прободенного нас ради от иудей люте от онехже в ребра прободен был еси! — Белостокского, в возрасте 80 лет скончался Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен.

Сегодня был на редколлегии в «Неве».

Там очень долго и как-то озлобленно говорил Самуил Аронович Лурье.

— Вы понимаете, о чем он говорит? — шёпотом спросил я у Ивана Ивановича Виноградова.

— Нет... — шепотом ответил тот. — Это не про нас...

Все удрученно молчали, и я сказал, что наша интеллигенция второй раз за один век совершает ошибку — перестраивает общество, не понимая, что она делает, а главное, не осознавая, что первая и пострадает от этого. Так было в 1917 году, так, видимо, будет и после 1 июля 1990 года.

Борис Николаевич Никольский постучал карандашом по столу и, глядя в окно, сказал, что после 1 июля нам всем предстоит жить в другом мире...

Заседание редколлегии продолжалось.

Марина ездила сегодня отмечаться в очередь на пылесос.

4 мая 1990 года, Ленинград

РУБЦОВСКОЕ ЛЕТО

ПОДЗОРНАЯ ТРУБА

Странные сны под утро...

Иду по набережной. На другом берегу реки, как в Благовещенске-на-Амуре, заграница. Оттуда стреляют по нашему берегу из лазера. Мне обожгло ногу. Боли я не чувствую, но следы остались.

Мне очень не хочется идти на дежурство на свою базу консервации автомобилей, и я сразу подумываю, как взять справку о ранении, мало ли, наше правительство захочет принести протест Китаю.

Расчетливость очень ловко дополняется патриотизмом, но что-то уже непоправимо меняется в пейзаже, я смотрю в подзорную трубу и вижу, как на китайском берегу, в зареке, горит отцовская школа.

Вид школы жалок. Из-под досок крыши торчат куски сена...

И тушат школу тоже как-то жалко — пламя сбивают мётлами.

Всё перепуталось во сне, как в моих книгах и моих мыслях...

Днем поехали в Ломоносов за сапогами, которые обещал Марине достать Николай Шадрунов. На электричку опоздали, и пришлось ехать на такси, но всё равно опоздали на встречу и так и не купили сапоги.

Побродили по магазинам и, чтобы хоть что-то купить, приобрели роскошную подзорную трубу.

Зачем?

Думал в электричке, что я буду делать с этой подзорной трубой, а потом вспомнил сон и совсем расстроился. Китайского берега, на котором осталась отцовская школа, в эту трубу все равно не рассмотреть.

8 мая 1990 года, Ленинград

РОКОВЫЕ МИНУТЫ

На съезде народных депутатов РСФСР бурлят страсти. На пост председателя Верховного Совета было выдвинуто восемь кандидатур, однако Л.А.Воронин, В.И.Воротников, Ю.А.Манаенков, Д.А.Волгонов свои кандидатуры сняли. В результате в первом туре Б.Н.Ельцин набрал 497 голосов, И.К.Полосков — 473, В.И.Морокин — 32.

Для избрания председателя нужно было 530 + 1 голос.

Председательствующий на съезде председатель Центральной избирательной комиссии РСФСР В.И. Казаков предложил из «моральных соображений» не выдвигать снова кандидатуры Б.Н. Ельцина и И.К. Полоскова.

Однако проголосовать это предложение не удалось, поскольку, защищая Ельцина, ленинградские демократы, предводительствуемые Беллой Курковой, захватили трибуну и никого не пускали туда.

После третьего тура голосования Бориса Николаевича Ельцина избрали председателем Верховного Совета РСФСР.

Магазины пусты, а там, где появляется товар, — сразу вырастают молчаливые очереди.

Ф.И. Тютчев писал, что блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые, но как будем жить дальше, когда блаженство захлестнуло всю страну?

29 мая 1990 года, Ленинград

30 МАЯ 1990 ГОДА

В подъезде было темно.

Остро пахло кошками и непросыхающими на площадках лужами.

На лестнице, прижимаясь к грязным, шелушащимся стенам, стояли друг за другом писатели: члены «Апреля» и «Содружества» — наверху, в помещении Литфонда, давали сапоги.

Еще в этот день в городе Ленинграде было землетрясение.

Сапоги членам Союза выдавали английские, а их женам — югославские.

Землетрясения никто не заметил².

1 июня 1990 года, Ленинград

КАК НАЧИНАЮТСЯ КНИГИ

Ездил с делегацией ленинградских писателей в Белоруссию на праздник славянской письменности.

Открывали музей Франциска Богушевича.

Запомнились завтраки и обеды на травах Сморгонщицы, пьянки и ссоры под кушляньскими дубами.

² Никто не заметил тогда и прощального подарка, который сделал американцам министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе. 1 июня он подписал в Вашингтоне с государственным секретарем США Дж. Бейкером соглашение о линии разграничения морских пространств. СССР уступил по этому соглашению США морскую территорию общей площадью более 51000 квадратных километров.

Сегодня вернулся в Ленинград.

Ходил в библиотеку Союза писателей за книгами Ивана Алексеевича Шергина, чтобы отдать Валерию Лебедеву на ксерокопирование.

Потом позвонила Саша, и они с Мариной отравились в Гостиный двор отмечаться на пылесосы, а я сел за работу — начал писать книгу о Николае Михайловиче Рубцове.

4 июня 1990 года, Ленинград

ПЕРВЫЕ ДЕЯНИЯ

Аврал с «Марсианами». Отложил книгу о Николае Михайловиче Рубцове и три дня занимался только сборником рассказов.

Первое деяние патриарха Алексия II. Через два дня после его интронизации в Богоявленском соборе на Поместном Соборе Русской Православной Церкви причислили к лику святых святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Наши трехрублевые, как их называют, депутаты сегодня приняли «Декларацию о государственном суверенитете РСФСР». Из 907 проголосовавших депутатов только 13 — против и 9 — воздержались.

Такие вот патриоты!

12 июня 1990 года, Ленинград

ОТЪЕЗД

Никак не связанное с нашим «Единением» многотысячное шествие по Садовому кольцу. Толпы народа. Над кольшущейся массой лозунги: «Не пойду в КПСС, лучше сдохну на АЭС».

Зашел к Алле Александровне Андреевой.

Хотелось поговорить, но разговора не получилось.

Следом за мною пришел Сергей-кооператор, сильно поддатый, с карманами, распухшими от пачек денег. То ли Сергей вспомнил о наших неудачных кооперативно-издательских переговорах, то ли еще почему, но ему очень хотелось, чтобы я тоже поучаствовал в подсчете его доходов, и я заторопился проститься с Аллой Александровной.

Но ускользнуть не удалось. Сергей догнал меня, когда я подходил к улице Горького, и заставил сесть с ним в такси.

Приехали в гостиницу «Комета». Начали выпивать там в буфете, но Иван Иванович Сабилло спас меня, сказав, что у нас билеты на поезд и пора двигаться на вокзал.

По дороге в номер Сергей потерялся, и на вокзал мы добрались благополучно и вовремя.

15 июня 1990 года, Москва

НАПУТСТВИЕ В ЖИЗНЬ

После московского единения отлеживался в своей квартире весь день, а вечером зашел Сергей Сельянов.

Взгляд колючий и с огнем.

Поиграли в шахматы возле включенного телевизора, послушали, что украинский парламент проголосовал за суверенитет и политику нейтралитета...

Посмотрели репортаж о выпускниках.

Сельянов вспомнил историю, которая случилась с ним на школьном выпускном вечере.

Тогда они, как и положено, гуляли всю ночь по городу, а уже под утро к ним подошел помятый, жаждущий похмелиться мужичок.

«Ребята! — попросил он. — Дайте взаймы!»

Выпускников переполняло добродушие.

Насыпали целую пригоршню мелочи.

Мужичок поблагодарил и побежал к дежурной аптеке, что находилась неподалёку. Но видно, почувствовал, что простой благодарности мало.

«Ребята! — закричал он, остановившись. — Запомните, ребята! Одеколон закусывают только сахаром!»

— До сих пор эти слова помню... — сказал Сергей. — А почему, и сам не знаю...

— Ну как почему? — завистливо сказал я. — Такое напутствие в жизнь дорогого стоит.

16 июня 1990 года, Москва

САПОЖНАЯ ИСТОРИЯ

С утра позвонил директор литфонда Игорь Михайлович Мустафаев.

— Вы читали?

— Что?!

— Свою заметку про 30 мая 1990 года в «Литераторе».

— Нет еще, — сказал я. — Я не знал, что этот рассказик уже напечатали.

— Ну так знайте!

— А что вас, Игорь Михайлович, смутило там? — спросил я.

— Ну как что? Я выхлопотал по своим каналам

сапоги для писателей и их жен, а вы в газете про это пишете. Что теперь про нас подумают?

— А что теперь про нас должны подумать?

— Вот и я не знаю что! — сказал Мустафаев и бросил трубку.

И только тут я сообразил, чего он испугался. Мы взяли сапоги мне и Марине и заплатили 4 рубля за услугу. Учитывая, что отоваривалось человек триста, навар получался приличный. Поэтому любое шевеление по сапожному поводу и раздражает Игоря Михайловича.

Только я успел повесить трубку, как телефон зазвонил снова.

Звонил Николай Федоров из «Костра».

— Читал? — спросил он.

— Про сапоги?

— Про какие сапоги?! В газете напечатано, что на Российской партконференции создана Коммунистическая партия Российской Федерации...

— Ну и хорошо! — сказал я. — Давно пора... А что?

— Вот и я думаю, что теперь будет? — сказал Николай.

Попрошавшись с ним, я сходил вниз и достал из почтового ящика свежие газеты.

Там писали о суверенитетах, которые теперь все принимают...

О том, что Ирак вторгся в Кувейт...

Ну и что? Какое это имеет отношение к сапожной истории?

20 июня 1990 года, Ленинград

ВО ВРЕМЯ СЪЕЗДА КПСС

Напрасными оказались надежды тех, кто еще надеялся на что-то. На XXVIII съезде КПСС верх взяли сторонники «демократической платформы», и все попытки поднять партию на борьбу за спасение себя самой и страны оказались утопленными в горбачевской болтологии.

И хотя мы не в Москве живем, но вчера, когда мне позвонил Юрий Александрович Помпеев, такое ощущение возникло, что не из партбюро нашей писательской организации он звонит, а прямо со съезда.

— Вам, Николай Михайлович, надо погасить задолженность по партвзносам, — сухо сказал он.

— Юрий Александрович! — ответил я. — Я послал письмо в партбюро. Там сказано, почему я приостановил уплату взносов. В заметке Ильи Фоянкова в «Литературной газете» я прочитал, что

партбюро по настоянию товарища Арро приостановило перечисление взносов в обком партии. На партийное собрание, которое якобы поддержало партбюро в этом решении, меня не приглашали. Меня не устраивает, что наши секретари считают партийную организацию стадом баранов и используют партбюро как инструмент для достижения своих целей...

— Партбюро уже перечисляет взносы... — перебил меня Помпеев.

— А тому решению дана какая-то оценка? Мы объявим публично, что совершили ошибку, позволив манипулировать мнением партийной организации?

— Это не так важно сейчас! — голос Помпеева стал еще суше. — Как я понимаю, вы не собираетесь погашать задолженность?

— Пока, Юрий Александрович, не будет дана принципиальная оценка тому решению, нет...

Разговор закончился, а через час позвонил Иван Иванович Сабилло.

— Николай Михайлович! — ласково сказал он. — Вы слышали, что Валерий Суров вышел из партии?

— Да?

— Да! Он, Николай Михайлович, партбилет свой разорвал. И не только он! Об этом уже в газете написано... Говорят, и по телевидению сюжет будет...

— Я бы удивился, Иван Иванович, если бы об этом по телевидению не сказали!

— Обязательно скажут! Будет передача и в «Пятом колесе»... А вы, Николай Михайлович, не думаете последовать примеру Валерия Сурова?

— Не думаю, Иван Иванович...

— Это бы, Николай Михайлович, красивый поступок был!

— Нет! — сказал я. — Я, Иван Иванович, свой партбилет рвать не собираюсь.

Это вчера было...

А сегодня, как раз перед отъездом в аэропорт, увидел по телевизору Б.Н. Ельцина, который прямо на съезде объявил о своем выходе из КПСС и поразился, что не поддавался на уговоры своих партийных начальников.

Эта новая партия мне еще меньше нравится.

11 июля 1990 года, Ленинград

СТИХИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

В 18.25 вылетели из Ленинграда, а в 20.30 (минус 1 час) были во Львове.

Здесь взяли такси до Трускавца и ночевали уже в литфондовском пансионате «Нафтуся».

«Нафтуся» — крохотный, на десять комнат, домик, вставленный в куйнджевский пейзаж с кипарисами вдоль дороги, с яблонями во дворе. Где-то рядом кудахтают куры, блеют козы.

В «Нафтусе» мы живем, а питаемся в городе. Пьем воду, ходим на процедуры, гуляем по Трускавцу, заполненному ярко-полосатыми жителями среднеазиатских республик...

Я ничего не пишу, только стихи Николая Рубцова читаю...

Странное дело, хотя я и написал пьесу про Рубцова, но сейчас, уже хорошо зная его биографию, почти все стихи читаю как будто в первый раз.

Просто поразительно, как много в стихах Рубцова его биографии.

13 июля 1990 года, Трускавец

КРЕСТИК

Ночью долго ворочался, а когда уснул, почти сразу проснулся от ощущения тревоги.

Попытался сообразить, что случилось.

Наконец догадался — нет крестика, забыл его в общем душе, когда ходил мыться.

Оделся. Вся «Нафтуся» залита густой ночной чернотой.

С фонариком спустился в подвал.

Слава Богу — крестик на подоконнике, где я его и оставил.

И как-то спокойно стало на душе, вернулся в номер и сразу заснул...

14 июля 1990 года, Трускавец

РУБЦОВСКАЯ БУХГАЛТЕРИЯ

Книга о Николае Михайловиче Рубцове пошла...

Написал главу «Четыре судьбы», задумал главу «В горнице Николая Рубцова». Главы эти составят центр книги.

Занимаясь Рубцовым, думаю, как тщательно хранятся у нас все бухгалтерские документы. Исчезает многое, но и десятилетия спустя можно установить, сколько и когда денег получал Рубцов.

Наверное, только в нашей беспощадно разворываемой стране так тщательно учитывают каждую копейку простого гражданина.

15 июля 1990 года, Трускавец

УКРАИНСКИЕ СНЫ

Принята декларация о государственном суверенитете Украины, и какие-то очень тревожные сны снятся душновато-черными украинскими ночами...

Вот и сегодня снилось, что всё как-то нехорошо.

И собеседник мой тоже жаловался, что да, нехорошо. Вот уже и уголь из заброшенных шахт начал прорастать.

— Как это?!

— Ну, так... Такими, знаете, легкими черными цветами прорастает. Потом эти черные лепестки ветер повсюду разносит. Не пройти...

Проснулся и подумал, что этот сон связан с тем сном, про который вчера рассказывала Марина. А приснилась ей наша питерская соседка Валентина Андреевна, которая умерла недавно.

— Вы хоть Саше позвоните, — сказала Марина. — Он беспокоится...

— Не! — ответила Валентина Андреевна. — Отсюда не позвонишь. Я при случае еще загляну к вам.

И в чем связь этих снов — не пойму, хотя, просыпаясь в душновато-густой ночи, точно знал, что какая-то связь есть.

16 июля 1990 года, Трускавец

КУРТКА ЗА ГДР

Вчера только Горбачев объявил в Минеральных Водах, что СССР больше не возражает против членства Единой Германии в НАТО, а уже сегодня санитарки в процедурных озокеритолечебницах обсуждают куртку, в которой был Михаил Сергеевич, делая это заявление.

— Вчера-то опять, видели? Куртку надел да и сел в телевизоре!

— Да! А раньше-то в костюме сидел.

— А наверно, он с Коля куртку требовал!

— Да ты что?! Не выдумывай!

— А чего выдумывать, если не было куртки у него, пока гэдэру не отдал...

Разговор санитарок не только мне, лежащему на прогревании, слышен.

— Кончайте разговоры эти! — раздается мужской голос. — Идите работать!

На секунду голоса смолкают, а потом раздаются снова.

— Чего это он?

— А ничего... Завидно, видно, стало, на куртку-то!

17 июля 1990 года, Трускавец

ЗАЩИТНИКИ СТАЛИНГРАДА

Сегодня в программе «Время» сообщили, что вчера, в 48-ю годовщину начала Сталинградской битвы, умер в Риге писатель Валентин Саввич Пикуль.

Не забыть тот тяжелый вздох — я смотрел телевизор в общей гостиной — что сразу вырвался у таких разных, съехавшихся в «Нафтусю» со всех концов страны людей.

Это был замечательный писатель и замечательный человек...

Ему было тринадцать лет, когда он начал службу на боевом корабле Северного флота.

И с тех пор он уже не покидал боевого поста.

Он написал множество замечательных книг, но сколько задуманных книг он не успел написать, не сосчитает, наверное, никто...

Перед смертью он работал над романом о Сталинграде, где погиб в 1942 году его отец.

В этой Сталинградской битве погиб и сам Валентин Саввич Пикуль.

18 июля 1990 года, Трускавец

ДИВНЫЙ СОН

Пишу повесть про Николая Рубцова, и иногда у меня возникает ощущение, что его стихи только для меня и написаны...

А сегодня приснился удивительно прекрасный сон.

Будто я сижу у окна, а за окном — с колокольным звоном! — идут церкви³.

21 июля 1990 года, Трускавец

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЕ ДЕТИ ИЗ СТИХОВ РУБЦОВА

Днем во дворе «Нафтуси» играют дети.

Чьи это дети, непонятно.

Родители их живут в литфондовском пансионате благодаря постановлению по Чернобылю, но они такие же чернобыльцы, как и я.

Зато игры у детей этих «чернобыльцев» действительно с чернобыльским духом.

Окно у меня в номере открыто, и мне слышны их голоса.

— Я буду ведьмой!

— А я — пиковой дамой!

И всё это звонко-звонко, как в стихах Николая Рубцова про пение детского хора, которое раздается из лесной чащобы.

А сейчас кто-то подошел к окну на втором этаже и не то спрашивает, не то окликает:

— Людоед, а, людоед!

Во что играют эти чернобыльские дети из стихов Рубцова?

22 июля 1990 года, Трускавец

СІЧОВІЕ СТРІЛЬЦІ

Сегодня наша медсестра сказала, что в Трускавце праздник.

— Какой?

— О! Святкування 500-риччя Запорізької січі.

На юбилей Запорожской сечи, воспетой Н.В.Гоголем в «Тарасе Бульбе», мы, конечно, пошли, хоть я и не совсем хорошо себя чувствовал после приступа странной болезни.

На майдане січових стрільців колыхались желто-блакитные стяги и черно-белые портреты Степана Бандеры и Симона Петлюры.

С возвышения оратор говорил, что на Украине всё хорошо. И хлопцы мощные, и дивчины гарные, а особенно хороша настоящая украинская униатская церковь! Она любому украинцу любя!

— В єдності сіла народу! — неожиданно закричал оратор, осеняя себя крестным знаменем.

— Єдність народу, Божі, подай! — слаженным хором ответила ему многоголосая толпа.

— А я думал, народ-то на Украине православный, как у нас в России, живёт! — сказал я.

— Ні, — добродушно улыбаясь моей необразованности, ответил стоящий рядом січовий стрілець. — Уніаті мі...

— А чего же Тарас Бульба в униатство не перешел? — робко поинтересовался я.

— Так то ж вранье. То ж Гоголь выдумал. Он вам, москалям, продался!

— А Тарас Шевченко?

— Житье такое у Тараса Григорьевича было! — не задумываясь, ответил стрілець. — Горше и не придумать. Москали Тараса силой до нашей униатской церкви не допускали!

Слушая его, я смотрел на желто-блакитные стя-

³ Уже вернувшись в Ленинград, я узнал, что как раз в этот день на пустующую Ленинградскую митрополию назначили Владыку Иоанна (Снычева)...

ги, на черно-белые портреты Петлюры и Бандеры и всё пытался уразуметь, что же произошло. За пять лет перестройки в ее демагогии и духоте ожили, кажется, уже все призраки прошлого.

И все они толпятся сейчас, хищно галдят над нашей бедной страной...

О Боже!

Еднoсть народу, Божі, подай!

29 июля 1990 года, Трускавец

ПОИСКИ

Вчера ходил с Евгением Васильевичем Кутузовым в «Лениздат» искать дочь Николая Михайловича Рубцова Лену. Не нашли, в «Лениздате» она уже не работает...

Неудачные поиски привели нас почему-то в ресторан Союза писателей. Там мы нашли Владимира Рекшана, с которым благополучно напились. Для меня пьянка закончилась печально. Как-то незаметно, под выпивку, снова начал курить и сегодня утром первым делом принялся искать сигарету.

Покурив, написал заметку для «Костра» о Николае Рубцове.

Составил рукопись книги для «Лениздата».

Поговорил с Вадимом Валериановичем Кожинным по телефону. Вроде бы с «Гавдареей» в «Нашем современнике» дело движется...

Что делать дальше — непонятно.

Повесть о Николае Михайловиче Рубцове вчера написана, остаётся только перепечатать ее, этой работой я планирую заняться в Пицунде, но путёвка туда начинается через двенадцать дней...

Можно, конечно, заняться пока чем-нибудь другим, но не хочется вклиниваться в работу над повестью о Рубцове, страшно потерять тот настрой, который возник в Трускавце.

Вот так и размышлял я, отходя после вчерашних поисков Лены Рубцовой и стараясь при этом не курить одну за другой сигареты.

И тут осенило меня...

Надо просто поехать на родину Николая Михайловича!

Ну, во-первых, чтобы не отвлекаться на другую работу, а во-вторых, так сказать, для протокола, чтобы рассказывать потом, дескать, как же, как же, бывал и я там... И интернат, где Рубцов вырос, видел; и по Спасо-Суморинскому монастырю, где так и не выучился Николай

Михайлович на мастера лесовозных дорог, породил; и на холме, на который взбегал в своих стихах Рубцов, тоже посидел.

И так меня загля эта идея, что я тут же начал звонить в Москву и, как ни странно, дозвонился в этот жаркий летний день в конце рабочей недели, договорился насчет командировки...

10 августа 1990 года, Ленинград

ПРЕЖНИЕ ВРЕМЕНА

Тотьма — старинный, запущенный, щемяще-прекрасный русский город.

Как только ни глумились над здешними церквями, а всё равно, когда подъезжаешь к Тотьме, вначале только их и видишь. И сейчас уверенно вышагают они над здешней жизнью.

Чудные деревянные дома...

И тут же покосившиеся буквы над магазином «Продуктовые товары», в самом магазине тоже всё вкривь и вкось, а цены такие, что ощущаешь себя каким-то инопланетянином — совершенно непонятно, как живут тут люди.

В стоящей в лесах рядом с гостиницей церкви раньше размещался винзавод. Теперь от него остались только ларёк, где изредка торгуют водкой, да ещё воспоминания...

— В прежние времена там такое вино вкусное делали, — грустно вздохнул мой здешний корешок, фотограф из Вологды, Саша. — Из клюквы. Теперь не, теперь нету такого...

И на тёмном от загара лице его возникла смутная, обращенная куда-то в себя улыбка.

12 августа 1990 года, Тотьма

В ШКОЛЬНОМ МУЗЕЕ

В первой тотемской школе давно уже работает музей Николая Рубцова.

Создан он школьниками, членами литературного кружка «Рубцовские березы». Больше десяти лет ребята записывают воспоминания людей, знавших поэта, собирают документы о его жизни, его фотографии. Несколько лет назад они даже «переиздали» первую самодельную книжку Рубцова «Волны и скалы», которая была выпущена в «самиздате» в 1962 году в Ленинграде. Члены кружка любовно воспроизвели ту, подлинную, обложку, собрали по сборникам стихи, которые были напечатаны в той, первой, книге. Получилось

действительно переиздание, так сказать, доработанное автором... Многие свои стихи после 1962 года Рубцов основательно переделал.

Вообще же, материал, собранный школьниками, настолько ценен, что еще ни один человек, всерьез занимающийся исследованием творчества поэта, не миновал этого музея. В «фондах» его работали многие литературоведы и биографы Рубцова. И каждому удавалось найти там что-то новое, неизвестное.

Много нового материала нашел там и я.

А уже прощаясь, спросил у Маргариты Афанасьевны Шананиной — бессменного «директора» школьного музея и консультанта десятка книг и фильмов о Рубцове: где ребятам удалось найти такую замечательную рубцовскую фотографию?

— Не знаю... — смутилась Маргарита Афанасьевна. — Не знаю, можно ли рассказывать об этом. В общем, мы ее из Николы привезли, она на доске «Тунеядцам — бой!» была вывешена.

Ну отчего же нельзя рассказывать такое? Можно... И даже нужно, если мы действительно хотим понять, как жил Николай Рубцов.

13 августа 1990 года, Тотьма

ПЕРЕПОЛОХ

В школьном музее, в Тотьме, оказалось столько неизвестных мне материалов, что под этой тяжестью затрещал мой продуманный в Питере «протокол».

С утра я сижу в тотемской школе, а после обеда брожу по городу, записывая воспоминания знакомых Николая Михайловича.

И всё разбухает и разбухает папка с дополнительными материалами.

С ужасом смотрю я на нее — предстоит заново начинать работу, которую считал сделанной...

Состояние дискомфорта усиливается за счет общего возбуждения, в котором пребывает сейчас Тотьма.

Тотемскому краеведческому музею исполняется семьдесят пять лет.

Отпраздновать юбилей решили скромно. Откроются после ремонта дом-музей Ивана Кускова — отважного морехода, основателя знаменитого форта Росс в Калифорнии, да еще мемориальные комнаты Николая Рубцова в Николе.

Оба музея должны открыться почти одновре-

менно, но советско-американские отношения нынче так хороши, что торжества, связанные с Иваном Кусковым, начали перетягивать на себя все внимание. Из американских университетов потянулись в Тотьму тамошние «кусковцы», подключилась и московская пресса.

Когда же пронесся слух, что в мероприятиях примет участие посол США Мэтлок, возбуждение достигло наивысшей точки. Еще вчера город начали мести, красить дома, асфальтировать улицы, разгрести копившиеся десятилетиями свалки возле дивных тотемских соборов...

Сразу тесно сделалось в гостиницах.

На меня, успевшего еще до мэтловского переполоха занять отдельный номер, вновь прибывшие смотрят с завистью и почтением, явно принимая за какую-то важную птицу. Поскольку вчера я сумел перепачкать в асфальте — о этот безбрежный тотемский ремонт! — брюки, то чувствую себя под оценивающими взглядами журналистов не слишком уютно.

А тут еще поползли по Тотьме слухи, дескать, НЛО видели над Николой...

Только и слышно в очередях:

— Мэтлок едет... НЛО над Николой летало...

Мэтлок, и НЛО, и книга, которую надо писать заново, сливались воедино. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не разговор, свидетелем которого довелось мне стать.

Я пристроился к длинной очереди за пивом, над которой, перемешиваясь с жарой и запахом асфальта, витало:

— Мэтлок... НЛО... Мэтлок...

И тут, не выдержав, взорвался мужичок в промасленной, наброшенной на голое тело фуфайке.

— Какое еще НЛО придумали? — спросил он и выматерился. — Пошли вы...

— Филя! — попытались урезонить его другие мужики. — Чего это нашло-то на тебя? Мэтлок едет, а ты так некультурно выражаешься...

— А-а! — Филя заматерился еще отчаяннее. — Я этого Мэтлока, та-та-та, хотел... К нам Иван Грозный приезжал, и то, та-та-та, ничего, а вы, та-та-та, Мэтлок, та-та-та, говорите...

Сказать, что, слушая возмущающегося в пивной очереди Филю, я вспомнил знаменитые рубцовские стихи:

*Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
— Филя! Что молчаливый?
— А о чем говорить?*

— было бы неверно.

В наброшенной на голые плечи фуфайке тотемский Филя словно прямо из стихотворения Николая Михайловича Рубцова и явился.

Как ни странно, но встреча эта сразу успокоила меня...

Вернувшись в гостиницу, я раскрыл папку и принялся за работу. И уже через час стало ясно, что напрасны были мои страхи. Новый материал совершенно естественно вставляется в уже написанную книгу.

То, о чем писал я, размышляя над стихами Рубцова, обретало документальное подтверждение, наполнялось голосами людей, знавших поэта...

И снова, как и в Вологде во время разговора с Вячеславом Белковым, почувствовал, что я не столько пишу эту книгу, сколько узнаю ее, вчитываясь в стихи Рубцова и воспоминания о нем, разговаривая с людьми, знавшими поэта, роюсь в архивах, вглядываясь в пейзажи, знакомые мне по его стихам...

Вся эта книга как бы уже существует, и мне нужно только собрать её воедино...

15 августа 1990 года, Тотьма

ПАЛЬТО И ГАРМОШКА «ШУЯ»

В Николу я ехал в музейном фургончике — в нем везли рубцовские вещи для музея. На коленях у меня стояла гармошка «Шуя», на которой почему-то было нацарапано «Фикрету Годже на память, на дружбу...», но которая якобы принадлежала Рубцову, а рядом на спинке сиденья лежало — такие можно найти на любой свалке — рубцовское пальто.

Вот и все экспонаты будущего музея, вот и всё имущество, что осталось после смерти Николая Михайловича Рубцова.

Правда, ещё остались его стихи...

16 августа 1990 года, Никола

ПОТОМКИ ИВАНА КУСКОВА

Вчера, вернувшись из Николы, хотя и неблизкая из деревни дорога в Тотьму, мы все-таки успели на конференцию, что проходила в Доме культуры

совхоза «Тотемский». Конференция для совхозного очага культуры, прямо сказать, необычно представительная. Тут и профессора из США, тут и наши академики — кого только нет...

Много нового узнал я, пока слушал выступления, и о Русской Америке, и о форте Росс, и о самом Иване Кускове. Оказывается, жена Кускова была взята им из индейского племени. И потомки Кускова, естественно, наполовину оказались индейцы. И жили эти индейцы в Тотьме, где и доживал свой век отважный предприниматель.

Вот уж воистину неисповедимы пути Господни...

Кстати, между прочим, о своем отважном земляке знал и Николай Рубцов. И не его ли пример вдохнул в грудь детдомовского паренька «необъяснимую любовь к полочным северным судам», не от Кускова ли передалась Рубцову морская романтика?

Ну, а сегодня я уезжаю в Вологду.

— От праздника уезжаете-то, — пожалела меня дежурная в гостинице.

То, что я уезжаю от праздника, я почувствовал по дороге на автостанцию. Навстречу мне толпами шли парни и щедро, как индейцы, раскрашенные местные девушки...

В Тотьме начинались гулянья по случаю праздника города.

19 августа 1990 года, Тотьма

КНИГА СУДЕБ

Совершенно нереальный, как наяву, сон...

Приснилось, будто бы я работаю на складе вторсырья, но находится этот склад на какой-то сверхсекретной базе.

Я прессую бумагу — собираю разбросанные по полу книги и засовываю их в пресс. Одна книга заинтересовала меня. В этой книге бесконечные списки людей с указанием, кто и когда родится, когда женится, когда умрет.

— Можно это взять? — спрашиваю я.

— Зачем тебе это? — отвечают мне вопросом на вопрос. — Там же ничего интересного нет!

— Ну как же? Очень даже интересно... Так я возьму?

— Бери...

Сон длинный и всё о том, как я выношу со сверхсекретной базы книгу.

Но вынес, вынес ее во сне и в общежитии, где я жил во сне, спрятал под подушку на своей кровати.

И только потом проснулся.

А проснувшись, сразу полез под подушку, но «Книги судеб» там не было. Только сборник стихов Николая Рубцова, который я сам, засыпая, и засунул под подушку...

28 августа 1990 года, Пицунда

КАРТОЧНАЯ ИГРА СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Днём купаюсь в море и пишу повесть о Рубцове, вечерами иногда играем в карты с Максимовыми.

Виктор завершает какой-то замысловатый роман, на который сильно надеется.

Но если и говорим за картами, то говорим о политике, о том, что Восточная и Западная Германия подписали договор об объединении юридических и политических систем, а у нас уже и Татарстан принял декларацию о государственном суверенитете.

Виктор сейчас работает в секретариате Ленинградской писательской организации, и взгляды у него, как и положено демократу, очень широкие... Он рассуждает, дескать, Михаил Сергеевич Горбачев во внутренней политике запаздывает, а во внешней нет, все делает вовремя.

— Ага! — соглашаюсь я, сдавая карты. — Всё, что можно и нельзя, уже раздал.

— Так и надо раздавать вовремя! — разглядывая полученные карты, говорит Виктор. — Зачем чужое держать?

— Это для Горбачева чужое, а Россия столько крови пролила, что для нее это давно своё, — говорю я и объявляю ход.

Виктор задумывается, и по поводу Горбачева отвечает его жена Лиля.

Она говорит то же самое, что и Виктор, но со злостью, горячась, доказывает, что никогда Россия не имела права ни на Прибалтику, ни на Закавказье...

Я отвечаю ей, что нигде в мире, кроме России, нет интеллигенции, которая с таким сладострастьем радуется развалу своей страны. И прав, прав будет народ, когда решит уничтожить такую интеллигенцию!

— А ты что, Николай, к погромам призываешь? — делая неверный ход, спрашивает Виктор.

— С какой стати я призывать буду к погромам, если наверняка первый и пострадаю от них...

— Почему?

— Так всегда бывает...

— А-а...

Мы играем в карты.

5 сентября 1990 года, Пицунда

ПОКУПКА ТИПОГРАФИИ

Вчера приходил Евгений Васильевич Кутузов с Александром Александровичем Поповым, который в свое время курировал Союз писателей и журнал «Нева» по линии обкома КПСС. Снова говорили об объединении независимых писателей, снова говорили о типографии, которую надо купить, снова купили бутылку водки, потом еще раз сходили «на уголок», потом еще.

Ушли гости уже ночью, а сегодня утром Кутузов позвонил Марине и долго жаловался, что совсем здоровья не стало, ноги опухли так, что едва до дому дошел, а сегодня вообще в ботинки ноги всунуть не смог, в тапочках ходил пиво пить.

Марина утешила его, сказав, что он в моих ботинках ушел, а они на два размера меньше.

О, как возвеселился Кутузов!

Что он говорил, я не слышал. Наверное, угваривал, чтобы я пришел к нему дообсудить покупку типографии, но Марина отвергла этот план.

— Он же мнительный такой! — сказала она про меня. — Подумает, что у него ноги усохли...

Я слышал этот разговор, но подходить к телефону не стал, сил не было.

Не стал я выходить и к Александру Александровичу Попову, который принёс обменивать кутузовские ботинки. Хорошо бы, конечно, было типографию купить, но похоже, что здоровья у меня еще и на эту типографию уже не хватит.

Днем дописал очерк «На родине Николая Рубцова», а вечером пришел Николай Тамби, рассказал, как его ограбили, выкинув из собственной машины.

21 сентября 1990 года, Ленинград

СОН О НИКОЛАЕ РУБЦОВЕ И ПЕТРЕ II

Взялся было за «Хронограф», но начались хлопоты по поводу бассейна, по поводу ссуды. Так и прошел день. Зато ночью возникла замечательная идея новой книги — «Игрушки русских императоров».

Идея светлая...

Во-первых, такая книжка будет продаваться в условиях какого угодно рынка, а во-вторых, когда начал прикидывать, что можно показать в этой книге, — даже голова закружилась.

Вчера весь день читал Николая Костомарова.

А ночью во сне какое-то странное смещение жизни Николая Рубцова и императора Петра II.

Проснувшись, долго пытался понять, что же обшего кроме сиротства в этих несхожих судьбах.

Только потом догадался.

Рубцов был дан нам как милость Божья, как шанс его стихами суметь полюбить друг друга...

Петр II — это тоже данный России шанс, чтобы вывернуться из ужаса правления Петра I.

Шанс этот оказался неиспользованным.

Хорошие русские люди князя Долгорукие, уничтожая все шансы России, успели спойть и развратить тринадцатилетнего монарха...

25 сентября 1990 года, Ленинград

ВОЕННО-МОРСКАЯ КРЫША

Соседи с пятого этажа нашего дома въехали к себе больше года назад, но отношения с Наташей и ее сыном, курсантом Алексеем, как-то не завязывались. Мы только здоровались, встречаясь на лестнице, и всё.

Но неделю назад Марина как-то законтила с соседями, и позавчера Наташа пригласила нас на свой день рождения. Мы, чтобы познакомиться покороче, пошли. Познакомились. Посидели. Выпили, конечно. Потом вернулись домой, на третий этаж.

Только хотели лечь, как позвонил в дверь сын соседки Алексей, курсант военно-морского училища, сказал, что мама просит займы бутылку.

Мы бутылку дали, но мне захотелось поговорить с Алексеем, и мы еще посидели у нас, выпили немного, побеседовали о жизни...

Алексей оказался весьма занятным молодым человеком. Очень спокойный, уравновешенный, он как-то очень приятно был открыт для беседы со старшим по возрасту человеком. Он внимательно слушал то, что я говорил, задавал вопросы и, не рисуясь, не пытаясь выдать себя за умудренного жизнью человека, отвечал. Много, что он говорил, вернее то, как он чувствовал, как воспринимал происходящие перемены, было для меня неожиданным и поучительным...

Но всё это было позавчера, а вчера утром Алексей занёс взятую займы бутылку и предложил подняться к нему, похмелиться.

Похмелиться можно было и дома, но я, рассчитывая продолжить нашу беседу, не стал отказываться.

Наташи — она вчера дежурила на скорой помощи! — не было, у Алексея сидели два его приятеля-сверстника, пили коньяк.

Пили — все рюмки были грязные! — из чашек.

Мне тоже налили в чашку, но выпивать сразу я не решился.

Сидел, баюкая похмельную муть...

— Тяжело? — участливо спросил Алексей. — Вы выпейте...

— Сосредоточиться надо, — сказал я. — Не простое это дело у меня...

Меня оставили в покое, ребята заговорили о своём, и я понял, что сидят они здесь не просто так, а ждут какую-то девицу, которую не пускают торговать водкой на «уголке». А она попросила Алексея стать ее крышей. Разговор и шел о том, чтобы ребята подстраховали Алексея. А он и нунчаки для такого дела добыл.

— А вам это надо, Алексей? — спросил я.

— Надо! — сказал Алексей и поднял свою чашку.

— Она знает как меня называет? Говорит, ты моя военно-морская крыша.

Может быть, и нужно было объяснить ему, что он ввязывается в весьма опасное предприятие, но Алексей и сам знал это, а кроме того, подобное занудное нравоучение наверняка бы выпало из жанра сложившихся у нас отношений.

Мы чокнулись, я выпил и тут же побежал в туалет, не в силах удержать выпитое.

Назад в комнату я возвращаться не стал.

— Совсем плохо... — сказал я Алексею, вышедшему проводить меня. — Пойду полежу...

Больше Алексея я не видел, а сегодня пришла Наташа и сказала, что Алексея убили.

— Он девочку свою пошел защищать от какого-то бандита ... — ровным голосом, как будто о чужом, рассказывала она. — Этот бандит и убил его... А я ведь тоже дежурила вчера на скорой... Но мне не сказали... Алексей на фамилии отца остался, когда мы разошлись, вот и не сообразил никто...

Снова и снова объясняла Наташа, почему не сообразили врачи на скорой помощи, чьего сы-

на везли они, как будто это и было самым важным сейчас...

3 октября 1990 года, Вознесенье

СПЕШАЩИЕ В ПРОПАСТЬ

СУДОВЫЕ СИРЕНЫ

Марина осталась в Ленинграде, а я, чтобы не мешаться в похороны Алексея, уехал в Вознесенье.

Днём живу в своём просторном доме, который продувает холодный ветер с реки, а ночевать хожу к сестре Нине.

Здесь в посёлке свои, вознесенские, беды.

Вчера всю ночь не смолкал резкий крик судовых сирен.

А сегодня пришел Виктор Мочалов с работы, он работает диспетчером на пристани, и рассказал, что несколько дней назад пропал поселковый мужик, Леденёв, занимавшийся откормом бычков...

Поехал в Вязостров на охоту и пропал...

Но вчера нашли на Ивановском острове моторку Леденёва, запутавшуюся в кустах. Там и ружье, и патронташ, а самого Леденёва нет...

Виктора попросили передавать на проходящие суда, чтобы они гудели, когда будут идти мимо Иванькова острова...

Самоходки гудели. Всю ночь оглашали резкими криками сирен ночь.

Если бы Леденёв заблудился в лесу, услышал бы...

Другое дело, если он утонул.

В холодной осенней воде и судовых сирен не слышать...

5 октября 1990 года, Вознесенье

ПОСЕЛКОВЫЕ СЛУХИ

Как стремительно расплозаются по посёлку слухи, заполняя дома, магазины, больницу!

Вчера только рассказал Виктор, что нашли моторку Леденёва, а сегодня пришел в больницу навестить тётушку и она первым делом спросила:

— Про Леденёва-то слышал?

— Ага, — сказал я. — Говорят, что утонул...

— Утонул? Не... Кровь в лодке, дак откуль утонул?

— Убили, что ли?

— Дак ведь если нет, то что сделали?

6 октября 1990 года, Вознесенье

ЗАЧЕМ МЫ СПЕШИМ В ПРОПАСТЬ?

Такое впечатление, что любое новое постановление или закон лишь усиливают сейчас напряженность, лишь усугубляют хаос в стране. Уже никого не удивляют очереди, клубящиеся в предутренних сумерках возле булочных и гастрономов.

И разве тревожат только очереди?

Мы еще только готовимся к рыночным отношениям, а цены на многие продукты питания уже выросли вдвое, втрое...

Итог законотворческой деятельности нашего депутатского корпуса, что и говорить, неутешительный.

Но могло ли быть иначе, если принимать новые законы и постановления в такой спешке? Есть ли в истории какой-то другой страны подобный прецедент, чтобы за столь короткий срок принималось столько основополагающих законов? И можно ли вообще, сохраняя хоть какую-то стабильность в стране, добиться их исполнения?

Очень настораживает торопливость, с которой заворачивают депутаты огромную страну на неведомо куда ведущую дорогу. Такое ощущение, что, принимая все новые и новые законы, депутаты гонят нас к пропасти...

10 октября 1990 года, Ленинград

НАМ КРУПНО НЕ ПОВЕЗЛО

Сегодня Покрова Божией Матери.

Ездили с Борисом Морозовым на Смоленское кладбище к святой блаженной Ксении.

Борис всё ещё работает в Смольном, но уже присматривает себе другое место.

— Что же будет дальше? — спросил я.

— Кто знает? — вздохнул Морозов. — Одно ясно. Нам крупно не повезло, что вся эта перестройка попала на нашу жизнь.

14 октября 1990 года, Ленинград

СОРОК ДНЕЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ КРЫШЕ

Сломал палец, когда ездили на Плюссу.

Сегодня сняли гипс. Оказалось, что палец сросся неправильно и теперь надо делать операцию.

Еще сегодня сорок дней, как убили соседа Алешу.

Постепенно из разговоров Наташи, которая, похоже, в основном сама и ведёт следствие, становятся ясными подробности трагедии.

Когда вооруженный нунчаками Алексей пришел на разборку, уголовник, крышевавший на уголке спекулянтов, не стал соревноваться с ним в приёмах японского боя.

Просто достал нож и воткнул его в Алешу.

Вот так просто и без затей разобрался он с молоденьким, не нюхавшим уголовщины курсантом.

Приятелям Алеши только и осталось вызвать «скорую».

— Зачем он пошел туда? — спросил я, вспоминая, как за несколько часов до гибели так и не смог отговорить Алешу от роковой затеи.

— Он девочку свою пошел защищать! — сказала Наташа. — Бандит этот обижал её. Она мне рассказывала...

— А девочка не рассказывала, чего там, на уголке, делала?

— Ну она подрабатывала... У нее брат больной, лечить надо... Вот она и ходила туда водку продавать.

Я не стал говорить, что Алеша собирался заняться на уголке тем же самым, что и убивший его уголовник, и если бы удалось «военно-морской» крыше подмять под себя «уголок», Алёша бы и сам, вероятно, превратился в такого же бандита, как и его убийца...

Но как было объяснять это соседке?

А главное — зачем?

С фотографии в траурной рамке смотрел на нас юный курсант, который погиб, спасая от бандитов свою девочку...

11 ноября 1990 года, Ленинград

КОНСУЛЬТАЦИЯ

Закончил сегодня рассказ «Хряки» и пошел в Военно-медицинскую академию консультироваться по поводу мизинца.

В Военно-медицинской академии хирург долго задумчиво смотрел на мой неправильно сросшийся палец, не прикасаясь к нему...

— Увы! — наконец объявил он. — Пианистом вам уже не стать!

— Так я вроде и не собирался...

— Ну, а тогда и беспокоиться нечего. Можно и с таким мизинцем жить! Чтобы стрелять, указательный палец беречь надо.

— Стрелять я тоже не собираюсь! — сварливо сказал я.

— А это не важно, что вы собираетесь... Если соберутся стрелять, куда вы денетесь?

15 ноября 1990 года, Ленинград

НАДО УСПЕТЬ ДОСТАТЬ

Три дня назад Внеочередной съезд народных депутатов РСФСР начался вместо гимна исполнением «Патриотической песни» М.И. Глинки. А сегодня двуглавый орёл стал Государственным гербом Российской Федерации.

Не в добрый час поднялся он на крыло над нашей страной.

Впервые после войны введены продовольственные карточки.

Помню, когда-то давно говорили у нас: «Да, надо будет купить...»

Потом наступил застой и стали говорить: «Надо достать!»

Теперь перестройка, Горбачев о преобразованиях говорит, и разговор тоже перестроечный.

— Надо успеть достать!

30 ноября 1990 года, Переделкино

СОН О КПСС

Приснился сон, в котором я ненавидел КПСС, потому что это не русская партия. А мне объясняют во сне, что именно такая нерусская партия и нужна России, если Россия собирается оставаться СССР-ом.

— Сделайте русскую партию и вы увидите, что всё развалится! Удержать СССР от распада способна только КПСС. Никакая другая партия СССР не удержит.

— Что же такое? — спрашиваю я. — Кто же может так быть? Кто же такое сделал?

— Тот и сделал, кому было нужно так...

— Дьявол?

— Не ангелы же... Ленин, Троцкий, Сталин ангелами не были...

8 декабря 1990 года, Переделкино

ПРОДУКТОВЫЕ КАРТОЧКИ

В каком-то учебнике по советской журналистике я прочитал, что образцовой информацией можно считать заметку, помещенную в советских газетах, где говорилось, что такого-то числа в Туле закрылась последняя биржа труда.

Дальше объяснялось, что тут очень мало слов, только голый факт, но как много созидательного, жизнеутверждающего — закончилась безработица! — пафоса в этом факте!

Помню, меня очень восхитила эта информация, и, работая в газете, я мечтал написать что-нибудь

похожее, и вот полтора десятилетия спустя мечта моя исполнилась.

Сегодня Марина получила продовольственные карточки...

Больше тут ничего не надо добавлять.

Всю сорокалетнюю жизнь прожил я без карточек и вот сподобился.

Эта информация тоже может быть помещена в учебник демократической журналистики, только ведь у этой журналистики свои понятия об образцах.

Во всяком случае, объективность явно не демократический критерий.

18 декабря 1990 года, Петербург

МОСКВА

Анатолий Курчаткин уехал всей семьей за границу и предложил пожить нам с Мариной у него в квартире.

Ехали на дневном поезде Р-200.

Такая красивая зима между Ленинградом и Москвой...

До квартиры добрались к вечеру, взяли ключи у соседки, вошли в квартиру, которая на неделю становится нашей.

Очень уютно, но на кухне, на столе, записка. Какие-то хозяйственные советы и приписка Толи: «Коля! Не печатайся больше в «Пульсе Тушино»⁴.

Как будто сквознячком потянуло...

3 января 1991 года, Москва

ОТЗЫВ

Вчера созванивался с Володей Степановым из «Пульса Тушино». Он хвалил публикацию «Рассказов старого большевика», просил еще.

Ночью написал новую порцию рассказиков.

Днём ездил к Вадиму Валериановичу Кожинову. Подарил ему свою книгу «Пригород», которая вышла в нашем «Советском писателе», взял отзыв на моего «Рубцова» для ЖЗЛ.

Отзыв Вадим Валерианович написал, но написал как-то сухо.

Немного поговорили о жизни, но тоже скучно. Воодушевился Вадим Валерианович, только когда начал рассказывать об исторической книге, над которой работает.

Уходил я с явным ощущением, что моя просьба написать отзыв на «Рубцова» Вадиму Валериановичу не понравилась⁵.

Вечером заходил к Алле Александровне Андреевой.

Пил чай и смотрел на открыточно-добрые, как в детстве, кремлевские звезды в ее окне.

8 января 1991 года, Москва

НАЧАЛО

Об открыточно-добрых, как в детстве, кремлевских звездах, что видны из квартиры Аллы Александровны Андреевой, я вспомнил, вернувшись в Ленинград.

Год этот чудом начинается – нашли затерявшиеся на чердаке Музея религии и атеизма в Ленинграде (Казанский собор), считавшиеся утраченными мощи преподобного Серафима Саровского...

Когда их переносили в Александро-Невскую лавру, в городе разразилась гроза, загредел гром.

– Мне показалось, – рассказал знакомый священник, – будто кто посохом по земле ударил. Или самолет упал...

Да, в эту ночь, когда явились миру во второй раз мощи Серафима Саровского, действительно гром грохотал, будто кто по земле посохом бил или самолеты падали. Приблизился – по церковному стилю! – Новый 1991 год...

Но это с одной стороны, а с другой – 1991 год объявлен годом Елены Блаватской...

Столетие знаменитой оккультистки Елены Блаватской и обретение мощей великого русского святого...

Тьма и свет. Зло и добро. Дьявол и Бог.

Но Елена Блаватская и всё тёмное, что связано с её именем, привнесено извне. А обретение мощей преподобного Серафима Саровского – изнутри.

Что это? Сгущается тьма, чтобы задавить затеплившийся огонек православной веры? Или разгорается Свет, чтобы рассеять сгущающуюся тьму?

13 января 1991 года, Ленинград

ВЕЧНАЯ СВИСТУЛЬКА

Вечером не очень трезвый шурин Андрей пришёл. Попросил водки, а потом начал уговаривать

⁴ «Пульс Тушино» – газета Тушинского района города Москвы, патриотического направления, чрезвычайно популярная в те годы.

⁵ Года три спустя я сообразил, что тогда Вадим Валерианович сам, по-видимому, собирался писать для ЖЗЛ книгу про Николая Рубцова. Я не знал этого и ввалился к нему со своей рукописью и просьбой поддержать ее в издательстве. Честно говоря, если бы я сам оказался в сходной ситуации, то не знаю, как бы я поступил. В.В. Кожинов, если он, конечно, собирался писать про Рубцова, своим замыслом пожертвовал.

меня создать кооператив — гостиницу для немцев-охотников в нашем вознесенском доме на Свири.

Я пытался объяснить, что у этого дома кроме меня ещё два хозяина есть, и вообще, для того чтобы наш дом переделать в гостиницу, столько денег надо вложить, что проще будет новое здание построить...

— Нет! — упорно твердил Андрей. — В твоём доме надо разместить гостиницу, так выгоднее...

Тут, конечно, возразить что-либо трудно...

Когда Андрей, допив водку, ушел, я всё еще продолжал думать о странностях нашей кооперации. Конечно, выгоднее ничего не строить, ничего не ремонтировать, только кому же такая кооперация нужна, кроме самих кооператоров?

С этими мыслями и заснул.

Но и сон тоже какой-то кооперативный приснился.

Будто создали мы кооператив, который свистульки выпускает. Дунешь в такую свистульку, поставишь на стол, а она сама продолжает свистеть...

18 января 1991 года, Ленинград

КУДА ЕХАТЬ?

Как снег на голову обмен купюр достоинством 100 и 50 рублей.

И, как всегда, какие-то странные ограничения...

Сегодня зашел знакомый, показал пачку железнодорожных билетов.

Во Владивосток, в Краснодар, в Мурманск, в Брест, в Одессу... Один билет — на Воркуту.

— Теперь сдавать буду... — собирая билеты, сказал знакомый.

— И ни одного себе не оставишь? — пошутил я.

— А зачем? Куда от этого бардака уедешь? Везде так...

22 января 1991 года, Ленинград

ПИСЬМО ЗАПОЗДАЛОЕ

Живу в Доме творчества «Комарово» в номере рядом с номером Глеба Яковлевича Горбовского. Все эти дни Горбовский дочитывал корректуру книги «Остывшие следы», где среди всего прочего вспоминал и о своей дружбе с Николаем Рубцовым в бытность того кочегаром на Кировском заводе...

Вчера, завершив вычитку корректуры, Глеб Яковлевич отвёз её в издательство, а вечером взял у меня посмотреть книгу «Видения на холме»,

только что выпущенную в «Советской России». В этой книге Глеб Яковлевич и нашел адресованное ему, но так и не отправленное письмо Николая Михайловича Рубцова...

«И после этой, можно сказать, «сумасшедшей мути», — писал из 1965 года Рубцов, — после этой напряженной жизни, ей-богу, хорошо некоторое время побыть мне здесь, в этой скромной обстановке и среди этих хороших и плохих, но скромных, ни в чем не виноватых и не замешанных пока ни в чем людей...»

Кончалось же это запоздавшее на четверть века письмо словами:

«Вологда — земля для меня священная, и на ней с особенной силой чувствую я себя и живым, и смертным».

И вот так получилось, что это запоздавшее письмо вроде как бы и не запоздало, а пришло к адресату вовремя.

Как-то погрустнел Глеб Яковлевич, сделался задумчиво-рассеянным. Сегодня утром пару раз заводил со мной разговор о письме, дескать, вот, получил письмо... Да, в книге прочитал... А ведь не знал про него, нет...

Кончилась эта печаль тем, что вечером Глеб Яковлевич Горбовский запил.

Запил после двадцатилетнего перерыва.

24 января 1991 года, Комарово

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

В электричке мужик читает газету и сам разговаривает с собой...

— Что мы ждем от пленума ЦК КПСС? — читает он и, подумав чуть-чуть, сам себе и отвечает: — Ничего не ждём... — и снова углубляется в чтение газеты.

— Ишь ты... — говорит он, — комитеты национального спасения в Прибалтике...

— А полно врать! — говорит супруга его и поворачивается к соседке. — Вчера-то думала соли взять, а нет ее...

— Нет... — соглашается с нею соседка. — У нас давно уже соли нет в магазине! Какое уж тут спасение будет?

31 января 1991 года, Комарово

ОСМЫСЛЕНИЕ

Митрополит Иоанн (Снычев) молится за новочеников...

Митингуют — лозунги: «Выбирали — весели-

лись, а пожили — прослезились!» — на Дворцовой площади...

Дописываю в Комарово очерковую повесть о Валентине Пикуле, пытаюсь осмыслить, что же и как в русской жизни было сделано этим писателем...

10 февраля 1991 года, Комарово

СПОДВИЖНИКИ

В Доме творчества живут сейчас Глеб Яковлевич Горбовский, Глеб Александрович Горышин, Радий Петрович Погодин, Иван Иванович Виноградов, Анатолий Михайлович Краснов.

Приезжает сюда и Евгений Васильевич Кутузов, проводим сходки «неприсоединившихся». Говорим о создании нашей ассоциации в Союзе писателей. Без политизированности, но и без русофобии...

Радий Погодин сказал, что хорошо бы написать статью о положении в писательской организации.

Поручили мне.

Я не стал отпираться.

Вчера дал почитать свою статью Радио Петровичу. Он прочитал сразу.

— Да, — сказал, — надо печатать.

Я сказал, что вообще-то страшновато одному против всех идти, надо поставить под статьей несколько подписей...

— Пустяки, — сказал Погодин. — Я готов подписать...

На этом и договорились, но разговор состоялся утром, а вечером Погодин сказал:

— Дадим Виноградову статью. Пусть Иван почитает.

Виноградов прочитал.

— Всё здорово... — сказал он. — Но я сам был секретарем партбюро, когда Эткинда исключали...

И как-то так сказал, что жалко стало.

— Ну, как вы считаете, так и поступим... — сказал я. — Погодин согласился подписать...

— Погодин согласился?!

— Да...

Сегодня по дороге на завтрак встретил Радия Петровича.

— Вы меня неправильно поняли... — сказал он. — Я не имел в виду подписывать статью в соавторстве.

— А что же вы имели в виду, когда говорили, что готовы подписаться?

— Нет-нет... — сказал Погодин. — Вы меня не уговаривайте.

Несколько удивленный таким поворотом дела, я дал почитать статью Глебу Горышину.

Он прочитал.

Я сказал, что написал статью, собрав всё то, о чем мы говорили вместе, и как коллективную статью и писал ее.

— Ну, я не знаю... — сказал Горышин. — Я не хожу никуда, не знаю, как там теперь в Союзе писателей. Хорошо, конечно, если найдется человек, который скажет это, но я — нет.

Вот так-то...

Но статью я не напрасно писал.

Для меня статья эта стала тестом, по которому можно определить, какую поддержку окажут мне старшие писатели, если выберут председателем ассоциации.

Можно не сомневаться, что поддержка будет могучая.

17 февраля 1991 года, Комарово

КНИГА О НИКОЛАЕ РУБЦОВЕ

Есть книги и книги...

Я уже давно заметил, что книгу о Николае Михайловиче Рубцове не столько я пишу, сколько книга сама себя пишет...

Это не преувеличение.

Действительно, очень много мистики в этой работе.

Многих персонажей этой книги мне и не нужно разыскивать, друзья и знакомые Николая Михайловича сами являются по зову книги, как только возникает нужда в них.

В самом деле...

Еще в начале книги в Пицунде, в Доме творчества, встретил Виктора Коротаяева...

В середине книги в Перedelкино — Газимбека Багандова и Евгения Чернова...

Сейчас доделываю окончательный вариант в Комарово, и в соседнем номере живет Глеб Горбовский, а в столовой за один столик со мной посадили Александра Черевченко, жившего с Рубцовым в одной комнате в общежитии Литинститута...

И все они сообщают именно то, что и нужно именно сейчас для работы над книгой.

27 февраля 1991 года, Комарово

ТАЛОННАЯ ЖИЗНЬ

Талонная жизнь продолжается.

И, как всякая жизнь, она полна своих радос-

тей и огорчений, потерь и обретений, загадок и прозрений...

В «Ленинградской правде» напечатана заметка «В игру вступает «талон № 2».

Главным управлением торговли Ленгорисполкома установлено, что в единый талонный блок на март войдет: 3 талона по 0,5 кг мяса или мясных консервов; 1 на 1,5 кг сахара; 4 по 0,25 кг колбасы; 1 на 0,25 кг растительного масла; 1 на 0,5 кг животного масла; 1 на 0,5 кг муки; 2 по 0,5 кг крупы или макаронных изделий.

А вот вместо талона на десяток яиц появится «резервный талон № 2».

Все возбужденно обсуждают, чего будут давать на этот талон.

Конфеты? Водку?

28 февраля 1991 года, Комарово

РЕФЕРЕНДУМ

Референдум особых неожиданностей не принёс.

Около семидесяти процентов населения за СССР, двадцать шесть процентов — против.

Грустно другое...

Вчера, когда ходили голосовать, коридоры в школе на улице Константина Заслонова, где проходило голосование, поражали своей пустынностью.

Собираются закрыть страну, а тут пустота, словно никого и не волнует, что произойдёт со страной.

Очень тяжело на душе становится от этих пустых коридоров...

18 марта 1991 года, Ленинград

ДЕПУТАТЫ И КОНСЕРВЫ

Можно было бы составить словарь депутата.

Язык, на котором говорят народные избранники, отличается от нашего. Одно только словечко «культурнее» товарища Лукьянова, нашего спикера и поэта, чего стоит!

Ходил сегодня на Дворцовую площадь на митинг патриотов, и там, хотя и о другом, но так же, как депутаты, говорили.

Ну, а вечером позвонил художник Гоша, дескать, они скупают мясную тушенку в кооперативном магазине. По карточкам банка тушенки стоит 90 коп., а у кооператоров без карточек, но по 4 рубля 60 копеек. Гоша уже две коробки купил.

Мы с Мариной тоже пошли в магазин и до вече-

ра возили на тележке коробки с консервами. 160 банок говяжьего завтрака туриста запасли.

Кооператоры на нас — на каждую банку наценка 3 рубля 70 копеек — почти шестьсот рублей заработали. Но и мы тоже не в прогаре. Лучшего вложения денег не придумать.

Марина позвонила и матери.

— Зачем вам столько тушенки? — спросила Антонина Станиславовна. — Голода боитесь?

Марина объяснила, что мы наших депутатов боимся.

— Пятьсот дней, мама, — сказала она, — это очень долго...

Уже ближе к ночи включили телевизор и сразу — «Товарищи! Тут депутат со вчерашнего дня стоит у микрофона!» — прямо в эпицентр политической жизни попали.

Что и говорить... Культурнее становится жизнь. Шибко культурнее...

Культурнеем и мы помаленьку.

24 марта 1991 года, Ленинград

ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА

Получил в «Молодой гвардии» сигнальный экземпляр своего сборника рассказов «Марсиане». Тираж 100 000 экземпляров.

Показал эту книгу Сергею Лыкошину — он поздравил. Потом сказал, что надо меня поздравить и с тем, что успели выпустить эту книгу.

— А что? — спросил я. — Могли и не успеть?

— Могли, конечно... — ответил Сергей. — Это одна из последних книг, которые выпустили. А может, и последняя!

29 марта 1991 года, Москва

ИНТРИГА

По инициативе коммунистов в Москве начался III Внеочередной съезд депутатов РСФСР. Цель — сместить Бориса Ельцина с поста председателя Верховного Совета.

Правительство СССР приняло постановление о временном приостановлении в Москве проведения митингов, а М.С. Горбачев в связи с готовящейся манифестацией сторонников Б.Н. Ельцина приказал ночью ввести в Москву танки и бронетранспортеры. Красную площадь закрыли для пешеходов, блокировав подходы к Кремлю.

Вроде бы Михаил Сергеевич услугу оказал противникам Бориса Ельцина.

Но медвежьей оказалась эта услуга.

Депутаты позабыли, что собирались сместить Ельцина. Внеочередной съезд депутатов РСФСР потребовал вывести войска из Москвы и прервал свою работу, пока не будет выполнено это требование.

Ну а М.С. Горбачев, когда к требованиям депутатов присоединилось и американское посольство, упираться не стал...

В результате Б.Н. Ельцина не только не отстранили, но ему еще и вручили чрезвычайные полномочия для осуществления антикризисных мер.

Выборы президента РСФСР назначены на 12 июня.

8 апреля 1991 года, Москва

АПРЕЛЬ НАСТУПИЛ

Вот и апрель наступил...

Вот и Павловская реформа пришла. Пересчитали вклады...

Старушки плакали в очередях. Другие — всё-таки вроде как задарма! — брали деньги с веселым изумлением перед новой жизнью.

Теперь компенсации кончились, а цены⁶ остались новые...

Привыкнуть трудно.

— Билет есть? — спрашивает контролер в троллейбусе.

— Нет!

— Тогда штраф платите!

— Кому?!

— Государству...

— А оно есть разве, государство? По-моему, одни депутаты остались.

12 апреля 1991 года, Москва

ЗАМЕТКА В ГАЗЕТЕ

Сегодня в «Известиях» напечатана заметка — в Тверской колонии усиленного режима повесился Константин Смирнов-Осташвили, которого осудили за сломанные на вечере «Апреля» в ЦДЛ очки московского писателя Анатолия Курчаткина.

В Переделкино, в Доме творчества, сегодня тише обычного. В столовой только ножи постукивают да еще — шу-шу-шу — Осташвили — шу-шу-шу...

Слухи о том, что Осташвили не повесился в колонии, а его убили...

1 мая 1991 года, Переделкино

ПРЯНОСТИ

В магазинах пустые полки.

Мяса нет, рыба тоже отсутствует.

Зато — множество пряностей в ярких упаковках. Что хочешь выбирай, на какой угоден вкус.

На книжных прилавках тоже одни пряности — зона, секс, черная магия.

И тоже всё в ярких кооперативных упаковках.

3 мая 1991 года, Переделкино

РУССКИЙ ОГОНЕК

Приехала жена, привезла перепечатанную рукопись книги про Рубцова.

Вечером долго гуляли по Переделкино, ушли куда-то вдоль железнодорожных путей, потом свернули, думали вернуться к Дому творчества на прямую, но вышли на какое-то поле.

Уже темнело. За полем мрачно темнели высокие заборы.

— Как это у Рубцова было про русский огонёк? — сказал я. — Помнишь?

Спасибо, скромный русский огонёк,

За то, что ты в предчувствии тревожном

Горишь для тех, кто в поле бездорожном...

А тут и поле-то не такое уж бездорожное, а всё равно никакого огонька... Или не видно за заборами?

— С какой стати русский огонёк будет за такими заборами гореть... — резонно сказала Марина.

С этим трудно было не согласиться. Пришлось возвращаться к железной дороге. Уже совсем темно было, когда добрались до Дома творчества.

8 мая 1991 года, Переделкино

ПОДОРОЖАНИЕ

Возвращался в Ленинград, и мои соседи по купе долго рассуждали, что скоро подорожает водка. Бутылка будет стоить не десять, а семнадцать рублей.

Я в разговоре не участвовал, но переживал,

⁶ Масло сливочное 1 кг — 10 рублей 50 копеек. Мясо по талонам — 7 руб. Курица — 4 р. 60 коп. Колбаса докторская (по талонам) — 8 рублей 50 коп. Сосиски (по талонам) — 7 р. 30 к. Колбаса украинская — 22 руб. Творожная масса — 3 рубля. Пол-литровая бутылка подсолнечного масла — 1 р. 50 коп. Десяток яиц — 2 р. 60 коп. Банка растворимого кофе — 6 р. 40 коп. 1 кг кофе в зернах (арабика) — 21 руб. Бутылка пшеничной водки — 10 руб. 60 коп.

как и мои попутчики. Дороговато 17 рублей за бутылку платить...

Впрочем, днем эти грустные мысли как-то позабылись. Надо было продумать выступление на конференции «Валентин Пикуль. Творчество. Личность. Судьба», которая должна была пройти вечером в Доме писателя...

Конференция, хотя в ресторане и гуляла свадьба дочери Валерия Попова, получилась на славу. Играл духовой военный оркестр, продавали новые книги Валентина Пикуля, священник отслужил панихиду, потом выступали ленинградцы и москвичи, рижане и мурманчане, и все говорили умно, интересно и очень уважительно по отношению к Пикулью.

А потом Антонина Ильинична Пикуль, рижский священник отец Леонид и редактор журнала «Студенческий меридиан» Юра Ростовцев поехали к нам.

Мы не готовили приём, еда была скудная, но всё равно как-то очень душевно посидели и долго не хотели расходиться, хотя и устали.

А отец Леонид так разошелся, что в четыре часа, когда они вернулись от нас в гостиницу, купил еще одну бутылку водки за 150 рублей.

Мне об этом рассказала утром по дороге в Кронштадт Антонина Ильинична. Она явно не одобряла этого приобретения батюшки.

— Дороговато... — согласился с нею и я.

— Дорого, конечно... — сказал отец Леонид. — Но вы же сами видите, сейчас дорожает всё...

17 мая 1991 года, Ленинград

ОБРУЧЕНИЕ С СОЛЖЕНИЦЫНЫМ

Мой приятель Андрей Поздняев организовал в Москве кооператив «Светоч», который среди прочего занимается и организацией передвижных фотовыставок.

Первую выставку посвятили Александру Исаевичу Солженицыну.

Я никакого отношения к «Светочу» не имел, но как-то так получилось, что, переезжая из города в город, планшеты солженицынской выставки застряли в моей квартире. Когда их занесли, речь шла о двух-трех днях, но прошла и неделя, и другая, а планшеты продолжали загромождать наш коридор.

Будучи в Москве, я сказал Андрею, что вообще-то в квартире я еще и живу, а не только складирую выставки.

Андрей извинился и заверил, что выставку заберут, а за неудобства он готов заплатить.

И действительно...

Тут же мне выдали сто рублей, из которых семьдесят пять, правда, пришлось с кооператорским размахом пропить с сотрудниками «Светоча» — моими приятелями из редакции журнала «Культурно-просветительная работа». Но я не жалел об этом, радовался, что выставку забрали в тот же день, когда я вернулся в Ленинград.

Однако на этом эпопея с выставкой не кончилась. Прошел месяц, и вдруг раздался звонок из Выборга. Звонили из тамошнего музея, интересовались, когда я приеду выступать.

— А я должен выступить у вас?

— Да... У нас ваше выступление намечено на закрытии выставки по Солженицыну...

— А почему я ничего не знаю об этом?

— А почему вы не знаете? У нас даже в договоре со «Светочем» ваше выступление записано... Кстати, кооператив вам ваше выступление уже оплатил...

Андрюшу Поздняева я знал уже много лет, мы дружили, и хотя, сделавшись председателем кооператива, он несколько изменился, спорить с сотрудницей выборгского музея не стал. И Андрея подставлять не хотелось, и сто рублей — никуда тут не денешься! — получил, да и в Выборг я уже давно собирался прогуляться...

В воскресенье мы поехали туда с Мариной.

Однако когда в электричке я купил местную газету, то понял, что кооперативные заморочки одними только организационными накладками не ограничиваются.

В газете было помещено объявление о встрече со мной, но тут же сообщалось, что я являюсь одноклассником Александра Исаевича Солженицына и поделюсь с посетителями выставки своими воспоминаниями о детстве писателя.

Тем не менее выступление прошло хорошо.

Я поговорил о книгах Александра Исаевича, о современной литературе и жизни, рассказал о своих последних книгах.

Слушали меня внимательно, задавали много вопросов, а одна женщина даже сказала в конце, что не хотела идти на встречу, думала, что какой-нибудь выживший из ума старик приедет, но теперь она рада, что пришла...

Часа полтора длилась встреча, а потом мы с Мариной пошли погулять по городу, пообедали в ресторане.

Даже зашли в ювелирный магазин и увидели здесь — в Ленинграде такого уже не увидишь! — золотые кольца по 800 рублей.

— А зачем они нам? — спросил я.

— Крестики сделаем... — сказала жена⁷.

24 мая 1991 года, Ленинград

ТРОИЦА

Инесса Слюнькова, которая остановилась у нас, рано утром уехала на автовокзал, чтобы ехать, если будут билеты, в Рождествено, а мы собирались пойти в церковь, но потом сообразили, что ключей у Инессы нет.

Весь день ждали, что Инесса позвонит и мы договоримся и пойдем в церковь, но Инесса не позвонила, мы промаялись весь день, а звонок раздался только вечером.

Но это не Инесса звонила — Саша Образцов.

— У меня лимфогрануломатоз... Я умираю...

Вот те на...

Я растерялся.

Как-то невыносимо тяжело стало.

Ходил по квартире, слушал, как Марина читает по телефону Образцову медицинский справочник, и думал о том, насколько бессмысленны все наши хлопоты и заботы.

26 мая 1991 года, Ленинград

НЕ ПОПАВШИЙ В ДЕПУТАТЫ

Проходил сегодня мимо дома, в защиту которого два года назад собирались толпы народа... Здесь тогда произносились пламенные речи, собирались подписи, устраивались пикеты.

А сейчас тут пусто.

Те люди, которые собирали демонстрации и проводили митинги, стали депутатами, ну, а расселенный дом в депутаты не попал и ненужный никому он разваливается сейчас посреди города, прямо посреди победившей демократии...

2 июня 1991 года, Ленинград

СВЕТЛАЯ НЕДЕЛЯ

Вернулся в Ленинград и за неделю написал детскую книжку о святителе Стефане Великопермском.

Столько лет откладывал эту работу, а написал сразу, отдал издателю рукопись, и вот прошло еще несколько дней, а ощущение света и радости не проходит.

Словно в отпуск куда-то в очень хорошее —

где и Ельцина в президенты не выбирают, и Нобелевских премий Горбачеву не вручают! — место съездил.

И так хорошо, так покойно там было, что бросил дела и начал собираться в Вознесенье...

11 июня 1991 года, Ленинград

КАЗЕКЕСТУС

Ездили в соседние Щелейки на вепсский праздник Казекестус.

На пустыре у церкви стояло врытое корнями вверх «мертвое» дерево. Позвякивали под ветерком колокольчики.

«Сондала... Тукша... Алексеевский Наволок... Залесье... Розмега... Леонова Сельга...» — читал я на черных ленточках названия исчезнувших вепсских деревень. А рядом на настоящей елке — «живом» дереве позвякивали колокольчики уцелевших деревьев. Их было намного меньше, чем исчезнувших, и голос мертвого дерева заглушал живое.

А потом, как и положено на нынешних праздниках, подошли фургоны, с которых начали торговать «национальными» вепсскими товарами — водкой и пепси-колой, и весь народ как-то сразу отхлынул к фургонам.

А как только закончилась водка, так и расходиться стали, машины уехали, и осталась только размятая в жиденькую грязь земля. Раньше говорили про вралей и болтунов: болото на горе развели. К нынешнему празднику это подошло в буквальном смысле.

О болоте, которое развели на горе, вспоминал я и за «круглым столом» в библиотеке. О многом там забывают, забывают вепсы родной язык, растворяются — говорилось верно, многое вызывало искреннее сочувствие, но много было и непонятной агрессивности, исходившей от сотрудников фонда.

Чтобы отвлечься от разговора, который порою стыдно становилось слушать, я взял с полки книгу «Образцы вепсской речи». И сразу раскрыл ее на рассказе о корове. «Чаще всего у коров бывает по восемь зубов и по девять зубов, это лучшие коровы. Ребра должны быть редкие, не частые, хвост длиннее. А звездочка на лбу чтобы была ниже глаз».

⁷ Крестики мы, правда, так и не сделали, купили готовые, а кольца долго лежали в шкафу, пока в 1994 году обустройство России не прижало нас и мы не продали эти купленные в Выборге, в день закрытия солженицынской выставки, обручальные кольца...

Бесхитростная поэзия этих слов завораживала.

Уезжали мы на автобусе с колоколами, которые привозили из Ленинграда, чтобы позвонить на освящении Рождественской церкви. И пока ждал, когда вырулит он с пустыря, услышал еще один образчик вепсской речи, только уже нынешней...

На завалинке сидели два мужика и беседовали.

— Тебе, Павлуха, куда, на хрен, ехать надо? — допытывался один.

— А поеду, хрен тебе в задницу... — отвечал другой.

И снова интересовался первый, куда собирается ехать Павлуха, и снова с добавлением всевозможных нецензурных слов отвечал Павлуха, что поедет куда надо. Менялись ругательства, но смысл фраз и интонация оставались прежними.

И, слушая этот разговор, как-то жутковато становилось на душе.

Там, в библиотеке, произносились складные речи о судьбе вепсского народа, а народ этот сидел тут, на завалинке, и невозможно было допытаться у него, куда он едет, куда собрался уезжать.

А рядом возносилась над онежской водой своими маковками недавно отремонтированная Дмитровская церковь. Сказочно прекрасной была она, но дома уже отвернулись от нее. Уставившись своими окнами на пыльный петрозаводский тракт, от церкви отгородились они сараями, хлевушками, огородами...

И такое ощущение было, будто вышла принаряженная невеста на праздник, а гостей нет...

И только звонят, позвякивают колокольчики на «мертвом» дереве.

— Так куда ты, Павлуха, мать твою, ехать собрался?

— А поеду, б...я, куда надо...

Это последние слова, что я слышал на вепском празднике «древа жизни». И как тут было не вздохнуть вместе с вепсской старушкой, слова которой записаны в «Образцах вепсской речи»:

— Ой, горяшко-тоска, дитя-то свое я погубила...

23 июня 1991 года, Щелейки

ТЁТУШКИН ОГОРОД

Сегодня жена ходила к тётушке, и та показывала ей огород.

— Всё там, как в спальне расставлено... — рассказывала Марина. — И прибрано всё. Тут картошка, тут морковь... И все грядочки, грядочки, нигде ни соринки нет...

24 июня 1991 года, Вознесенье

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО СССР

НЕДОЧИТАННАЯ ПОВЕСТЬ

Плывешь по реке и словно читаешь неторопливую повесть.

Река, вплотную подступивший к воде лес...

Прямо в стену леса движется теплоход, но мягко разворачивается, и уже не лес впереди, а отлогий чистый берег. И еще не видно никаких строений, но приближение поселка уже чувствуется.

Это как поворот сюжета в хорошей повести...

Вот и стадо коров на берегу, вот ярко блеснуло отражение солнечного света от окон еще невидимого дома. А это сами дома! Сбегающая к воде тропинка, огороды, бани, вставшие у воды...

И столько неповторимости, столько своеобразности в каждом доме, что хочется рассмотреть каждый, но сюжетная нить реки увлекает тебя дальше.

Скрываются избы. По берегу тянутся скошенные дуга со столпившимися на них стожками, и снова лес, лес, то хмурый ельник, то пронизанные солнцем березняки...

А иногда, словно провал, словно необъяснимый пропуск — полузатопленные, засыхающие деревья, и отводишь глаза от берега, смотришь на чаек, что, словно вырванные страницы недочитанной повести, вьются за кормой.

1 июля 1991 года, Вознесенье

ПЕРВЫЙ КЛАСС

Плывём на полупустом пароходе в первом классе.

Каюта наша на верхней палубе, просторная, светлая.

Но утром проснулся и не сразу сообразил — где я. Столько светлого неба перед тобою!

Показалось, что проснулся в недостроенном в Вознесенье сарае...

2 июля 1991 года, Вознесенье

ГАЗЕТЫ

В городе — целая пачка непрочитанных газет. Сверху — свежие номера, снизу — двухнедельной давности. Так и просматриваю их, двигаясь вспять по времени...

...Только-только выбрали Бориса Николаевича Ельцина президентом, а американцы уже вручили ему премию, учрежденную организацией с непонятным названием «Центр за демократию».

Какой центр?!

...Вышел из КПСС Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе...

...Анатолий Борисович Чубайс дал пресс-конференцию в качестве главного экономического советника мэра.

— Ленинград будет зоной свободного предпринимательства?

— Считайте, что зона уже введена... — ответил Чубайс.

А вот фотография в газете — плакаты возле Мариинского дворца: «Город-герой Ленинград, а не Санкт-Петербург».

Лица людей возле плакатов решительные.

Эти люди еще не знают, что президент у них — лауреат американской премии, а в Ленинграде уже введена зона и все они уже заключены в этой зоне...

3 июля 1991 года, Ленинград

САМСОН И САМСОНИХА

Не смог сидеть в Ленинграде, завершил срочные дела и вернулся в Вознесенье, хотя лето и не обещает хорошей погоды.

Вчера, как сказано в календаре, Самсон был.

Самсон-сеногной...

В календаре так и написано: если на Самсона-сеногнаго дождь — до бабьего лета мокро. А дождь вчера весь день лил и только к вечеру утих, повыше стало небо...

Зато сегодня — настоящая июльская жара!

— Слава Богу! — сказала сестра Нина. — Самсо-ниха-то выстояла...

— Какая Самсо-ниха? — удивился я. — Я в календаре смотрел, Самсон-сеногной вчера был, и вчера дождило весь день.

— Вчера Самсон был, а сегодня Самсо-ниха... По-году по Самсо-нихе замечают!

— Ну, не знаю... Ты, Нина, какую-то семей-ственность у святых завела. Откуда Самсо-нихе взяться, если Самсон раздал все свои богатства и, подражая Христу, сделался странником. У него в Константинополе странноприимный дом был, да и тот ему император подарил...

— А уж не знаю, чего у их, в Константинополе, было, — сказала Нина. — А у нас народ погоду по Самсо-нихе замечает...

Что тут скажешь?

Если Егор в деревне живет, то у него и бабка — Егориха, хоть, может, ее Марией или Клавдией зо-

вут. Отчего же на небе не может быть, как в дере-венской избе?

Во всяком случае, в этом году очень хочется, чтобы так и было.

На Самсо-ниху действительно весь день жара стояла...

11 июля 1991 года, Вознесенье

ДОЖДИ

Напрасно Нина заступалась за свою Самсо-ниху...

На Самсона лил дождь, и так, кажется, и получа-ется, как в календаре написано: дожди на семь не-дель, до бабьего лета!

А вообще, обидно, конечно. Это лето выдалось особенно дождливым...

Хотя, может, так только кажется... Ведь здесь, в поселке, не отвернёшься от затянутого дожде-вой пеленой окна, не отсидишься в квартире. Здесь все дожди на тебя льют. И когда за водой идёшь, и когда за дровами, и когда просто на крыльцо выйдешь...

И скучно, конечно...

Идут дожди, и в нашем поселковом кинотеатре нескончаемые зарядили индийские фильмы.

19 июля 1991 года, Вознесенье

ДЕВУШКИН ГРОБ

Всё по талонам в посёлке.

Тетушке выдали целую простыню талонов. Обозначают они — одно полотенце, две наво-лочки, пододеяльник, две пары носков, двое трус-ов и маек...

И ткани — аж целых пять метров!

Такая вот талонная жизнь.

Одни на платье ткань берут, другие на шторы, третьи, чтобы пододеяльник сшить.

Старушка Егорова тоже свой талон отоварила. Купила пять метров голубенького штапеля, в цветочек.

— Куда тебе, бабушка, такой? — спрашивает продавщица.

— А гроб обить... — ответила Егорова. — Раз поло-жено при талонной жизни, дак надо взять. Хоть гроб у меня, у девушки, в цветочек будет...

22 июля 1991 года, Вознесенье

ТРИ КНИГИ

Очень вовремя приехал.

Уже корректура «Хронографа» в «Новой газете» готова. Забрал и весь вечер читал её.

А сегодня утром позвонил Олег Тихонов из журнала «Север» и сказал, что они берут мою повесть «Путник на краю поля» про Николая Рубцова.

Ходил в «Детгиз». Там теперь новое кооперативное издательство «Мир и культура», с которым я подписал договор на «Стефана Великопермского»...

Три книги, над которыми последнее время работал, вместе сошлись в эти дни...

30 июля 1991 года, Ленинград

ЗА ПРОДУКТАМИ

Вчера утром в семь часов разбудила теща — по радио читали мою книжку «Люся Лампочкина».

Мы только кусочек успели услышать, но как-то солнечным настроением стало. Ходил в поликлинику, потом поехали с Мариной во Всеволожск к Коле Тамби за продуктами.

Закупили их в магазине у Тани: 22 килограмма сахара по 4 рубля, 15 банок говяжьей тушенки (400-граммовые банки) по 5 рублей, 10 бутылок водки без талонов на 110 рублей и т.д.

Нагрузились так, что ночевать остались во Всеволожске и полночи пили. Ощущение грязи, пошлости и — у Таниного брата несчастье: зять убил дочь и порезал тещу — беспросветной жути.

Утром встали в семь часов и, оставив — Коля на машине привезёт! — сахар, пошли на электричку. И, конечно, сели не в ту сторону и чуть не застряли на перерыв в электричках.

1 августа 1991 года, Ленинград

СИМВОЛЫ

Ездил в Москву к врачу-гомеопату, которую мне порекомендовал Евгений Чернов.

Ходил в молодогвардейский журнальный корпус. Видел редактора моей книжки «О себе Ермак известие дал». Он рассказал о памятнике Ермаку, что стоял в Новочеркасске...

Во время оккупации немцы решили снять его. Накинули на памятник трос и пытались танками стащить Ермака. Но так ничего и не получилось...

— Вот как раньше строили крепко... — попыток свой рассказ редактор.

Это, конечно, легенда.

Но очень точно передано тут отношение народа к Ермаку. Как же можно опрокинуть его памятник, если в основании лежит вся Сибирь?

Нет, такую махину не перевернёшь...

Наверное, во время войны и возникла эта легенда. Всегда в трудные минуты необходимы символы былого величия и неодолимости.

Те символы, которых, судя по «Слову к народу», почти и не осталось сейчас у нас...

4 августа 1991 года, Москва

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ЛЕГЧЕ

В Ленинграде всё время занимаюсь какими-то текущими делами.

Два дня вычитывал корректуру «Хронографа». Ещё два дня ушло на статью о Валентине Пикуле и поиск его рассказов, опубликованных в «Костре». Нашел только «Канареечного мастера».

Сегодня приходил Сергей Сельянов, играли в шахматы. Поговорили о стипендии его жене — Алле. Потом завязался тяжелый разговор о том, с кем быть — с русскими или с демократами.

Я вспомнил про «Слово к народу», про то, что «не время тешить себя иллюзиями», что «пора отряхнуть оцепенение, сообщая и всенародно искать выход из нынешнего тупика»...

— Тебе легче! — сказал Сергей. — А я кино занимаюсь...

Насчёт того, что мне легче, конечно, хорошо сказано.

Почти как у Н.А. Некрасова — кому на Руси жить легче...

12 августа 1991 года, Ленинград

ГОЛОС ПО ТРАНСЛЯЦИИ

За нашим забором — завод.

Цеха разбросаны далеко друг от друга, и поэтому, когда передают объявление по заводскому радио, слышно и у нас во дворе...

Сегодня, только вошли в заросший травой двор, и сразу голос:

«Рабочим первого и второго цехов спички будут продаваться во время обеда. Рабочим кислородного цеха и доков — в конце рабочего дня».

Вот такое объявление. После него и газет читать не хочется, и к телевизору не тянет...

14 августа 1991 года, Вознесенье

ТАЛОННАЯ ЖИЗНЬ

Всё по талонам в посёлке, но — главное! — водка тоже по талонам.

И давно уже так...

Кажется, всю жизнь.

И мужики хоть и пьют по-прежнему, а уже по-другому. Прежнего загула нет. Выпьют на двоих бутылочку и сидят, разговаривают. Я, если возможность имеется, всё прислушиваюсь, не заговорят ли они о «Слове к народу», что пора, дескать, «всемирно искать выход из нынешнего тупика», или хотя бы о Крестном ходе, переносимом мощи Серафима Саровского из московского Богоявленского собора в Дивеевский женский монастырь...

Но не говорят...

И о смерти 97-летнего Лазаря Моисеевича Кагановича тоже не вспоминают, не печалются, как теперь без него Михаил Сергеевич Горбачев будет жить.

И вот иронизировал я, иронизировал, и приснилось сегодня, будто Джордж Буш в Москву утешить Горбачева приехал, уговорил, чтобы ехал-таки отдыхать в Крым.

А на лицах у поселковых мужиков задумчивость, ожидание...

Словно ждут чего-то, что произойти должно в этой талонной жизни и тогда еще можно будет выпить...

15 августа 1991 года, Вознесенье

БАБЬЯ ЯГОДА

Какая-то бабья ягода — малина.

Сладкая, мягкая, стебли ломкие, нестойкие...

И характер — бабий. Не уследишь, и сразу крапивою зарастет, колючками...

А вчера дул ветер. Сегодня вышел в сад, вся малина повалена, листья перевернуты на светлую изнанку.

Будто баба лежит и юбки задраны.

Даже как-то неловко стало.

17 августа 1991 года, Вознесенье

НА ЗАДВОРКАХ

Сидел в сумерках возле бани, ждал, пока домоется жена.

Хотя и дождь прошел, а вечер теплый, кузнечики не смолкают.

Так тихо, так мирно на душе, но чуть повернешь голову, и сразу — заводская труба с красными огнями, ребристая крыша заводского склада, возвышающаяся над забором...

Смотрел на заводские строения и думал, что всё сильнее сжимает нас завод. И хотя всегда он

был, но всё равно таким же и остался, незнакомым и чужим.

И жизнь там какая-то чужая.

И люди — в основном из каменных домов — чужие, словно с другой планеты.

И как-то так думал, словно крестьянин, который и в городе никогда не был...

18 августа 1991 года, Вознесенье

ПЕРЕВОРОТ

Преображение Господне.

Как это у Бориса Пастернака?

*Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по старому,
Преображение Господне...*

У нас с утра дождь, и мы не пошли в лес за брусничкой.

Я ремонтировал проводку в коридоре, когда пришла племянница Маша и рассказала, что в Москве переворот.

Мы не поверили, но включили радиоприёмник, и стало не по себе — в Москве и в самом деле происходит что-то непонятное...

Вечером ходили к тетушке.

Марина позвонила матери в город, но говорили они, разумеется, не о перевороте, а о том, что наш кактус, который расцветает на праздники, собирается расцвести.

— А я думала, что 20 августа — твой день ангела... — сказала тёща, и Марина долго объясняла, что именины у нее в марте.

Я не стал слушать этот разговор, пошел смотреть программу «Время».

Там вместо опостылевшего всем М.С. Горбачева — Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП).

В ГКЧП вошли О. Д. Бакланов — первый заместитель председателя Совета обороны СССР; В.А.Крючков — председатель КГБ СССР; В.С.Павлов — премьер-министр СССР; Б.К. Пуго — министр внутренних дел СССР; В.А. Стародубцев — председатель Крестьянского союза СССР; А.И. Тизяков — президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР; Д.Т. Язов — министр обороны СССР.

Двое из них — В.А. Стародубцев и А.И. Тизяков

ков — подписывали «Слово к народу», в котором было сказано, что «среди россиян есть государственные мужи, готовые повести страну в неунизительное суверенное будущее. Есть знатоки экономики, способные восстановить производство. Есть мыслители, творцы духа, прозревающие общенародный идеал».

Ну и вот, они воочию перед нами, эти самые россияне, в которых, должно быть, есть и мощь, и отвага, и любовь к Отечеству, что двигала нашими дедами и отцами, сложившими «из молитв, тягот и откровений» державу...

Лица славянские, спокойные, но в глазах страх...

И речи тоже, хотя и правильные по смыслу — «Растоптаны результаты общенационального референдума... Кризис власти катастрофически сказался на экономике... Хаотическое, стихийное скольжение к рынку вызвало взрыв эгоизма»... — но какие-то отдельные от тех, кто произносит их, не наполнены они энергией и силой власти.

И только как-то смутно, неправдоподобно и очень страшно от этих слов...

19 августа 1991 года, Вознесенье

20 АВГУСТА. БОЛОТО

Вот и дождались...

Ельцин объявил государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) вне закона, и часть войск перешла на его сторону.

Но это — в Москве.

А здесь, в Вознесенье, никто не строит баррикад, даже и говорят о происшествии без интереса.

Одобрят — что турнули Горбачева, тревожатся — кто-то пустил слух! — что не будут отоваривать августовские талоны на водку.

Остальное — никого не волнует.

И спать вечером легли рано. В десять часов все окна в домах на нашей улице погасли...

Ну а я, как и положено человеку, взрослому на радиоголосах, с маниакальным упорством крутил до трёх часов ночи настройку старенького приёмника.

Утром встали в шесть часов утра и отправились на болото за брусникой.

На болото я захватил и приёмник.

Приёмник уже давно живёт у меня в Вознесенье, и характер у него совсем вознесенский стал.

Целый день ловил только русские народные песни и хоршую музыку.

Под песни и собирал я бруснику.

Почти полную корзинку собрал...

20 августа 1991 года, Вознесенье

«СВОБОДА» В ДОМЕ СОВЕТОВ

Ну и характер у моего приёмника...

Вернулись с болота, и он одумался, начал ловить не только русские народные песни, но и радиостанцию «Свобода»...

Мы перебирали с Мариной бруснику и слушали задыхающиеся от восторга голоса американских комментаторов, разместивших свой корреспондентский пункт прямо в Белом доме.

Я прямо-таки зримо представил себе, как, брызгая слюной, бегают «свободчики» по Белому дому и на бегу творят новую российскую легенду.

А творили они её мастерски.

Нагнетание страха: «Танки! К Белому дому идут колонны танков!» — расщивалось слабыми поначалу проблесками надежды: «Нам передали — колонна танков остановлена на Садовом кольце!» — но тут же, сразу же: «Танки! Танки!! Танки!!!» И даже как будто и грохот гусениц, словно уже в коридор Белого дома ворвалась гкачепистская бронетехника.

Такое ощущение порою возникало, что прямо в мрамор врастают названия московских улиц и позолотой истории, как в октябрьскую ночь Смольного, покрываются пикеты вокруг Белого дома...

А напряжение нарастало. Мастерски используя драматургический арсенал, репортеры выдержали его всю ночь.

У меня только, кажется, к двум часам ночи и начало возникать ощущение, что я слушаю постановку заранее отрететированной пьесы⁸.

Ночь 21 августа 1991 года, Вознесенье

РАЗВЯЗКА

«Россия, единственная, ненаглядная! — она взывает о помощи».

Слово к народу.

Всё кончилось...

Нагло-загоревший вернулся из Фороса

⁸ Потом мне приходилось разговаривать с разными людьми, которых события, связанные с путчем, тоже застали, как и меня, в глубине России. И у всех ощущение разыгрываемого спектакля, впечатление карикатурности августовских событий было общим. Но удивительнее другое... Как можно судить по воспоминаниям наших демократов, нагло и бесстыдно деливших в те дни должности и собственность, они тоже воспринимали нас и всю Россию как карикатуру.

М.С. Горбачев. Он спустился в спортивной курточке по трапу самолета и объявил: «Самое главное: всё, что мы сделали после 1985 года, уже дало реальные плоды».

Арестованы председатель КГБ Владимир Крючков, министр обороны Дмитрий Язов, вице-президент Геннадий Янаев, премьер-министр Валентин Павлов.

Застрелился – застрелился? – министр внутренних дел СССР Борис Карлович Пуго.

Борис Ельцин и Геннадий Бурбулис выступают на «митинге победителей» у Белого дома.

Восстановлен исторический российский трехцветный флаг...

Указ о приостановлении деятельности Российской компартии до выяснения судебными органами степени ее причастности к ГКЧП...

Публичная «экзекуция» М.С. Горбачева...

Я сидел у Нины и видел по телевизору, каким обиженным было лицо у Михаила Сергеевича, когда на Чрезвычайной сессии Верховного Совета России махал перед ним пальцем Борис Николаевич Ельцин.

Такое выражение на лице бывает у школьника, которого высекли за плохо приготовленный урок, хотя школьник и надеялся, что его не высекут.

22 августа 1991 года, Вознесенье

ОСЕНЬ ПРИШЛА

Такие события в стране, что не раз возникало желание возвратиться в Ленинград или – как его теперь называть будут? – в Санкт-Петербург.

Но выйдешь ночью на мостки, увидишь, как тускловато поблескивают борта лодки в темноте, оглянешься на желтеющие за деревьями окна, и сразу расхочется уезжать. Даже представить невозможно, как это взять и уехать от своего...

А сегодня ходил в лес и даже испугался, что мог уехать и не увидеть этого.

Уже начинается листопад...

Заденешь за березку, и сразу – с ног до головы – осыпает тебя золотом листьев.

А в городе что? Следственные комиссии с контактными телефонами, по которым новые власти ждут доносов от добровольных осведомителей? Истерические крики на сессиях Верховных советов? Кажется, это совсем в другой, неведомой тебе стране, возвращаться в которую нет никакого желания...

А здесь, в России, дрожит лунный свет на во-

де, теплым светом желтеют за деревьями окна дома.

Но страх просачивается из радиопередач и сюда.

Вышел ночью во двор, и вдруг – даже вздрогнул от испуга! – торопливые шаги за спиной.

Обернулся и только тогда и понял, в чем дело. Это неслышный мне ветерок, задев за верхушку березы, осыпал с неё пригоршню листьев.

Звук такой, как будто быстро подошел кто-то, а ты и не разглядел кто.

31 августа 1991 года, Вознесенье

КАПИТАЛИСТ

Тетушка к вечеру как-то очень сильно стареет, становится меньше, словно усыхает за день, и волосы делаются как будто белее.

Семьдесят с лишним лет уже...

И каких лет – блокадных...

Вдовьих...

Вот и сегодня тетушка совсем старая стала к вечеру. Сидит грустная, задумчивая.

– Что случилось-то, тетушка?

– Радио, Миколя, слушала. Совсем худо. Не знаю уж, капиталисты-то придут эти, будут мне пенсию платить или нет?

И посмотрела на меня так, словно требовала, чтобы я переубедил ее поскорее. Все-таки всю жизнь проработала тетушка учительницей в младших классах и хотя и позабыла почти всё, чему учили, а всё равно помнит – ничего страшнее капиталистов нет.

Но я промолчал...

Я тоже слушал сегодня, как Горбачев, подобно матросу Желязняку, прикрывшему Учредительное собрание, закрывает наш парламент. Что я мог сказать?

Вместо меня сказал Лёша – тётушкин внук...

– А я, бабушка, – сказал он, – когда капиталистом стану, тебе помогать буду.

– Сиди уж, капиталист! – сердито проговорила тетушка, но потом вздохнула и погладила внука по голове.

– Как же ты капиталистом, Лёша, собираешься стать? – спросила моя жена.

– А я страховку получу – тыщу рублей... – сказал Лёша. – Гостиницу в Вознесенье построю! Вот и стану капиталистом!

2 сентября 1991 года, Вознесенье

КОНЕЦ СВЕТА

Слушаю приемник, как запрещают компартии, деполитизируют КГБ, закрывают ядерные полигоны, наперегонки спешат признать независимость Прибалтийских республик, а сам смотрю в окно — там ветка рябины с огненно-красными кистями наклонилась к белому стволу березы. И вот появляется такая мысль, что если бы не это, если бы не синь реки за окном, и не знать бы, как жить дальше — так тяжело, такое бессилие на душе от глупости наших депутатов...

И как же живут сейчас люди, которые не видят этого, а все равно и приемники слушают, и телевизоры смотрят...

— Да-да! — закивала Нина, когда я рассказал об этом. — Тяжело, да... Конец света, видно, наступает, собака-то весь день воет.

— Телевизор надо было с розетки снять! — сердито сказал Виктор. — Собака, небось, на этих депутатов и воет!

— Может, и на депутатов, — согласилась Нина.

4 сентября 1991 года, Вознесенье

СТРАШНЫЕ НЕБЕСА

Вчера приехал Валерий Воскобойников, привез из «Мира и культуры» деньги за «Стефана Великопермского» и две сумки с банками, маслом и водкой, которые передала с ним Антонина Станиславовна.

Пока завтракали, пошел дождь.

Думали, что уже не пойдём в лес, но тут небо посветлело, и мы решили ехать за грибами на тот берег.

Вошли в лес сразу за домами. Грибов набрали, но когда — напрямик! — выходили из леса, забрели в болотину и едва выбрались.

Марина упала на кочке, и как-то очень неловко упала.

Кое-как добрались до лодки, а на реке уже поднялся ветер.

Нашу легкую лодчонку швыряло вверх-вниз, едва выгрести против ветра...

Вечером Марину трясло, а сегодня утром температура поднялась до 39,3 градуса. Мы вызвали врача, и Марину с диагнозами: острый холецистит с возможной холецистоэктомией — увезли в больницу.

Вечером проводил Воскобойникова на автобус. Домой возвращался назад на лодке уже в тем-

ноте. Совершенно ничего не видно, кроме редких огней бакенов.

Какие страшные ночные небеса над нашей рекой!

6 сентября 1991 года, Вознесенье

ЭПОС

Какая холодная осень! Топил печку два раза, но в доме всё равно прохладно.

И воздух такой просторный, ясный. Все дома в зёрке видны до самой малейшей подробности...

Марина вчера вернулась из больницы.

Ни холецистоэктомии, ни холецистита у нее не нашли, а что было — здешним врачам неизвестно. Советуют в Ленинграде сходить к специалистам.

— А и специалисты не много чего знают... — сказала тетушка, услышав этот совет.

Потом, когда уже пили чай, начала рассказывать, что про войну она узнала в Шустручье. Приказано было всем возвращаться по своим рабочим местам, и тетушка, оставив Галю у бабушки, отправилась в Петергоф, но застряла в Ленинграде — дороги в Петергоф не было.

Уехала из Ленинграда на катере в Ломоносов. Муж уже ушел в армию, жить было негде, но ей дали комнату, в которой она и родила Люсю. Три раза ей казалось, что Люся умерла, три раза носила ее в морг, и три раза оживала по дороге девочка. Как тетушка радовалась, когда начала работать баня!

Эвакуировалась из Ломоносова зимой 1942 года.

Вначале — в Кронштадт, из Кронштадта — в Лисий Нос, из Лисьего Носа — в Ленинград, из Ленинграда — по последнему ладожскому льду — на Большую землю.

В Череповце сбежала с поезда и отправилась в Белозерск, где жили тогда мама и бабушка с детьми.

Тетушка всё рассказывала и рассказывала...

То ли день такой памятный, то ли время, когда всё эпическое вылезает... Эпоха движется, а это как раз и созвучно эпохе.

Вечером написал рассказ «Переворот».

Радио не слушаю.

Противно.

8 сентября 1991 года, Вознесенье

ПОСЛЕДНИЙ ФЛАГ

Зашел сегодня в магазин, долго бродил вдоль полупустых полок, думал, что здесь можно купить.

Наконец разглядел на витрине флаг СССР.

Купил. Пусть хоть что-нибудь останется на память от страны, в которой жил.

Принес флаг домой.

— А сколько стоит? — разглядывая его, спросила жена.

— Два сорок.

— Два сорок? Тут же ткани рублей на десять! Сходи, купи еще — я пододеяльник сошью!

— Сама покупай...

— Ну и куплю!

Но не купила.

Пошла на следующий день в магазин и попросила:

— Флагов... Десять штук...

— Да что вы? — удивилась продавщица. — Вчера последний флаг ваш муж купил...

Так и не стал наш флаг пододеяльником. Флагом остался⁹...

10 сентября 1991 года, Вознесенье

ФАШИСТЫ

Вчера была грустная дата.

Пятьдесят лет назад немецкие танки ворвались в Урицк, замкнув блокадное кольцо вокруг Ленинграда.

Об этом пятидесятилетию говорили давно, но августовские события внесли коррективы в празднества.

Юбилей отмечали, но тускло.

Тетушка — она сама блокадница! — очень недовольна.

Она рассчитывала, что к юбилею блокадникам подкинут чего-нибудь.

Ничего не подкинули, и тетушка не скрывает огорчения.

Когда я зашел к ней, она сразу поделилась со мною соображениями насчет того, что власть в стране захватили фашисты.

И хотя я и сам иногда так думаю, но тетушку постарался переубедить.

— Ты все перепугала! — сказал я. — Все наоборот. Демократы, диссиденты бывшие теперь у руля.

— Лембуй знает, как называют... — рассердилась тетушка. — Только всё равно фашисты, как ни называй их! Мыслимое ли дело, даже прибавку праздничную у вдовченки украли!

11 сентября 1991 года, Вознесенье

ОСЕНЬ 1991 ГОДА

Так и проходит сентябрь...

Крепкие утренники уже не бодрят, а перехватывают дыхание... Пришла пора возвращаться в город, но что происходит там, в городе, я не знаю, а то, что слышал по радио — наполняет душу тоской и безысходностью.

Сегодня утром написал в Москву письмо приятелю, а потом взял корзину и поехал на лодке за грибами на другой берег...

В Пожарном переулке, на той стороне реки, — финский дзот. Сразу за ним — забор. На штакетнике сохнет бельё.

А на самом железобетонном пригорке — овцы.

Сгрудились в кучу — мерзнут.

На овец снизу, из переулка, смотрят бородастые козы.

Как будто переворот делать собираются и сейчас на штурм дзота пойдут...

12 сентября 1991 года, Вознесенье

В ЛЕСУ

Общенациональный конгресс чеченского народа объявил о государственном суверенитете Чеченской Республики.

Таджикистан провозгласил свою независимость.

Объявлено о выводе советских войск с Кубы.

Такие вот новости.

Соседка Нина рассказывала, как ходила с подружкой в лес.

— До чего ты, Рита, сварливая стала... — укорила она ее. — Дома ворчишь, в магазине ругаешься, в лес пошли, и тут помолчать не можешь.

— Дак как не ворчать-то, если нас с тобой лес поганками обложил почище, чем твой мужик матюгами... — ответила подружка. — Чего ругаются?

13 сентября 1991 года, Вознесенье

ОСЕННИЕ ПЕНСИОНЕРЫ

Шумит дождь на улице...

Утром проснулся — идет, вечером засыпаю — идёт... Уж не в зимнюю ли даль снарядился он?

⁹ Интересно, что следующий день, 11 сентября, вошел в историю России, как апофеоз предательства. Именно в этот день объявили о выводе советских войск с Кубы, а новый глава КГБ СССР Вадим Бакатин передал послу США схемы установки подслушивающих устройств в американском посольстве.

Летом людно было на автобусной станции. Билеты в Ленинград покупали загодя, за неделю, за десять дней.

А теперь осень...

Почти пустые уходят теперь из поселка «ика-русы».

Да и пассажиры другие, в основном старики и старухи...

Это, убрав картошку, тронулся в город, как говорит тетушка, вознесенский пенсионер.

И, похоже, это такая же верная примета поздней осени, как и пролетающие в небе журавли...

14 сентября 1991 года, Вознесенье

НОВАЯ ТОПОНИМИКА

Сегодня в поселке подошел ко мне мужчина и спрашивает:

— Не подскажете, как к цыгану пройти?

Сам нездешний и явно навеселе.

— Это в Богачёво, — сказал я.

— А где это?

— Вдоль реки идите, через завод... Там дальше деревенька, Богачёво называется.

Такой вот разговор получился.

Мужчина поблагодарил и пошел в Богачёво цыгана разыскивать. Видно, очень уж загорелось выпить.

Это утром было...

А после обеда я получил-таки на лесопилке заказанные брусья. Погрузили на машину, повезли.

— Лучше по верхней дороге ехать, — сказал я, когда шофер завернул к реке.

— Да к туда и выедем! — сказал шофер. — Через цыгана проедем.

— Через Богачёво, — машинально поправил я.

— А что?! — засмеялся шофер. — Правильно. Столько денег цыган наспекулировал, что Богачёво и есть...

15 сентября 1991 года, Вознесенье

СОСЕДСКИЙ ПЕТУХ

Хлеб дорог, крупы нет...

И вот — даже курицы стали нынче другими. Уже не шествуют, как бывало, а все бегают, ищут поживу.

Но сейчас уже поздняя осень. Что тут отыщешь?

Пошел сегодня, перед отъездом, за водой, а в калитке соседский петух стоит. Задрал голову и смотрит на меня круглым глазом, словно прикидывая, нельзя ли ему меня склевать.

Но, похоже, великоват я ему показался.

Опустил петух голову к пустой земле. И такой вид у него разнесчастный, что даже неудобно стало, чего это я такой вымахал...

16 сентября 1991 года, Вознесенье

Николай Михайлович КОНЯЕВ

родился в 1949 году в поселке Вознесенье на берегу Онежского озера.

Автор книг: «Земля, которая помнит все», «Первые уроки»,

«Ненайденные клады», «Рассказы о землепроходцах»,

«О себе Ермак известие дал», «Пригород», «Марсиане»,

«Гавдарея», «У тихой воды», «Неудавшийся побег»,

«Гибель красных Моисеев», «Подвиг митрополита»,

«Путник на краю поля», «Ангел Родины», «Солженицын в обвале»,

«Аввакумов костер», «Великая северная ревизия» и других.

Романы и повести отмечались премией имени Василия Шукшина,

премией Андрея Платонова, премией ВЦСПС,

годовыми премиями журналов «Наш современник»,

«Молодая гвардия», «Север», «Студенческий меридиан».

